

Юджин Сернан
КОМАНДИР «АПОЛЛОНА-17»

★
ИСТОРИЯ
УЧАСТНИКА
ЛУННОЙ
ПРОГРАММЫ
★

**ПОСЛЕДНИЙ
ЧЕЛОВЕК
НА ЛУНЕ**

Герои космоса. Лучшие книги о космонавтике

Юджин Сернан

Последний человек на Луне

«ЭКСМО»

1999

УДК 821.111-94(73)

ББК 84(7Сое)-44

Сернан Ю.

Последний человек на Луне / Ю. Сернан — «Эксмо»,
1999 — (Герои космоса. Лучшие книги о космонавтике)

Юджин Сернан – один из пионеров программы «Аполлон», второй американский астронавт, вышедший в открытый космос, и последний человек, оставивший след на поверхности Луны. Книга Сернана – правдивый рассказ от первого лица о мужестве и смелости людей, о радости побед и о трудном пути к мечте.

УДК 821.111-94(73)

ББК 84(7Сое)-44

© Сернан Ю., 1999

© Эксмо, 1999

Содержание

1	7
2	12
3	17
4	24
5	32
6	39
7	44
8	49
9	58
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Юджин Сернан, Дональд Дэвис Последний человек на Луне

THE LAST MAN ON THE MOON
Eugene Cernan and Don Davis

THE LAST MAN ON THE MOON Text Copyright © 1999 by Eugene Cernan and Don Davis
Published by arrangement with St. Martin's Press.
All rights reserved.

© 1999 by Eugene

© Лисов И.А., перевод на русский язык, 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Посвящается Джен и Робину

Много лет я мечтал написать книгу для внуков. Я хотел, чтобы Эшли, Карсон, Кейли, Кейтлин, Уитни и те, кому еще предстоит получить имена, услышали от меня историю о том, как претворить мечту в жизнь, и надеялся, что когда-нибудь они немножечко лучше поймут своего деда. Кроме того, я хотел сделать что-то особенное для многих и многих людей, которые помогли нам достичь Луны, потому что без их упорства, преданности делу и личного самопожертвования мне не удалось бы отправиться в этот путь, и я бы не получил шанса поделиться своей историей. И хотя невозможно перечислить всех, я глубоко благодарен каждому из них.

Я хочу сказать спасибо тем, кто критиковал разные части моей рукописи на предварительных этапах, и в особенности старшим товарищам, чье понимание трудно переоценить. Я испытываю к ним величайшее уважение. Кроме того, я буду всегда дорожить дружбой с Диком, Алом, Роджером и Роном, которые – когда они были с нами – сыграли столь важную роль в моей жизни.

Я особо благодарю моего литературного агента Джейн Дайстел и ее сотрудников и моего редактора Чарли Спайсера и всю команду издательства *St. Martin's Press*, которые поверили в этот проект, довели его до осуществления и сделали еще лучше. Спасибо также Дону и Робину Дэвисам, моим соучастникам, без которых я бы никогда не сумел это сделать.

Но самое главное – я хочу поблагодарить мою семью и ближайших друзей, чья поддержка и помощь были столь важны на протяжении этой долгой работы. Мама и папа мысленно сопровождали меня на каждом шагу этого пути. Мне было хорошо у Ди и Джима, которые вспомнили немало интересного о времени нашего взросления. Барбара Сернан залезла далеко в прошлое, чтобы помочь вспомнить и документировать давние события. Марта Чаффи с болью в душе вспоминала историю своей семьи и ободряла меня в критические моменты. Макс Эри, Норма Ван Буннен и другие сотрудники музея «Космосфера и космический центр» в Канзасе оказали своевременную и бесценную помощь, найдя документы и пленки, которые пролежали без внимания более четверти столетия. Скип Фёрлонг, Фред Болдуин, Том и Кэрол Шорт помогли провести эту историю через наши молодые годы. Клэр Джонсон сумела перенести испытание написанием и изданием книги с обычным обаянием и деловитостью.

Мои дочери Трейси, Келли и Даниэлла изо всех сил поддерживали меня, когда поставленная задача казалась неподъемной и когда конца книги еще совсем не было видно.

И было бы недостаточно просто сказать «спасибо» моей жене Джен – она выдержала долгие месяцы, когда я заново переживал ту часть жизни, в которой ее еще не было. Ее любовь и понимание сделали это возможным.

И я салютую всем, кто помог американским астронавтам достичь Луны, где бы вы ни были сейчас.

*Юджин Сернан
Хьюстон, Техас
Сентябрь 1998 г.*

1

Пожар на старте

Пятница 27 января 1967 года была в Южной Калифорнии благоухающим зимним днем с температурой не выше +25°C, и ее портил лишь ураганный ветер, стучащий по крыше завода North American Aviation в городе Дауни. Однако внутри вакуумной камеры, в которой мы с Томом Стаффордом и Джоном Янгом лежали, скрючившись, в титановом контейнере, размером немногим больше обеденного стола, не было воздуха, не говоря уже о какой-либо погоде. Предметом нашей тревоги было время, а не снегопад или яркое солнце. Мы были самым опытным экипажем в американской космической программе – суммарно пять полетов на троих. Мы пытались довести новый, непроверенный и упрямый космический корабль до летных стандартов, но не могли похвастаться большими успехами.

На другом побережье Соединенных Штатов, в послеполуденной солнечной Флориде, трое наших товарищей проводили аналогичные испытания в таком же корабле, установленном на гигантской ракете «Сатурн IB» на мысе Кеннеди¹. Весь мир знал, что экипаж «Аполлона-1» – Гас Гриссом, Эд Уайт и Роджер Чаффи – должен стартовать менее чем через месяц. Но и у них дела шли не лучше.

Те дни, когда летали одноместные корабли «Меркурий», уже воспринимались как давняя история. Двухместные корабли серии «Джемини» доказали, что мы можем выходить в открытый космос, сблизаться на орбите и долго находиться в космосе. Теперь настало время «Аполлона» – гигантского предприятия, которое должно было воплотить в реальность мечту президента Кеннеди – высадить американца на Луну и вернуть его живым на Землю до конца текущего десятилетия.

Мое внутреннее чутье летчика-испытателя подсказывало, что, хотя этот полет очень нужен программе, наша «птичка» к нему попросту не готова. По правде говоря, я поражаюсь, что мы так далеко продвинулись по дороге к старту, при том что так много вещей всё еще не работало. Прежде чем «Аполлон» мог взлететь, нужно было добиться, чтобы десятки тысяч компонентов и в ракете, и в космическом корабле работали безупречно, но мы все еще к этому не приблизились. А тем временем чертовы русские дышали нам в спину, и нам приходилось заставлять корабль делать то, что он должен, даже если ради этого пришлось бы усилием воли поменять некоторые законы механики и физики. И несмотря на все проблемы, все сигналы на пути «Аполлона-1» горели зеленым.

Во Флориде основной экипаж сидел на верхушке незаправленной ракеты и проводил то, что на нашем языке называлось «тест с отключением от питания». Это означало, что всё идет так, как оно шло бы при реальном старте, в том числе и переход корабля на питание от бортовых источников, с тем исключением, что ракета «Сатурн» не заправлялась. В Калифорнии наш экипаж находился в таком же корабле в камере, которая имитировала вакуум космического пространства. Наш конусообразный командный модуль выдал ясное предупреждение о том, что сегодня плохой день, еще до того, как я забрался внутрь. Люк весом в 18 кг упал мне на ногу, и я мог поклясться, что «птичка» сбросила его целенаправленно, как часть дьявольского заговора, чтобы не позволить мне, Джину Сернану, снова полететь в космос.

Извиваясь подобно червяку, я протиснулся через узкий люк, соскользнул на среднее кресло, отделанное парусиновой тканью, а затем сдвинулся на свое место в правой половине кабины экипажа. Она, конечно, была просторной по сравнению с крохотными объемами «Дже-

¹ Официальное название мыса Канаверал в 1963–1973 гг., в обиходе – просто Мыс. (Здесь и далее примечания переводчика.)

мини» и «Меркурия», но все же и в «Аполлоне» места было немного, и я аккуратно вытянул ноги среди мешанины незащищенных кабельных жгутов. Техник наземной команды помог мне зафиксироваться в кресле и подстыковать разъемы воздухопроводов к скафандру, а затем ожило радио в шлеме, выдав всплеск шума. Ожидая, пока войдут остальные, я повесил контрольную карточку на «липучку», которой были покрыты изнутри стены кабины. Мы уже знали, что она является лучшим средством сохранить предметы от «уплыwania» в условиях невесомости.

Том Стаффорд, наш командир, протиснулся через люк и перепрыгнул на свое место слева. Наконец, Джон Янг, пилот командного модуля², уселся в пустовавшее среднее кресло и при помощи ребят снаружи установил большую крышку люка над головой и закрутил многочисленные зажимы, которые держали ее на месте. Это была тяжелая и неповоротливая штуковина, настоящая боль в заднице, а в моем случае еще и в ноге.

Когда все мы оказались на борту, кабину наддули³ стопроцентным кислородом, точно так же, как это до сих пор делалось во всех американских полетах. После этого из объема барокамеры откачали воздух, чтобы имитировать космическую среду, хотя в реальности мы находились на уровне моря и всего в нескольких милях от Тихого океана. Когда было достигнуто желаемое давление, мы проверили контуры наших скафандров, эти самые змеящиеся воздухопроводы от систем жизнеобеспечения, и подтвердили способность корабля выдерживать вакуум «космоса», который теперь окружал нас. Давление кислорода внутри командного модуля было больше, чем вакуума снаружи, и прижимало открывающийся внутрь люк к уплотнениям с такой силой, что целое стадо слонов не смогло бы его открыть. Понятно, почему было сделано так: никто не хотел, чтобы люк внезапно выпал наружу по дороге к Луне.

Мы с Томом и Джоном очень хотели закончить работу в пятницу, чтобы сбросить с себя громоздкие скафандры, запрыгнуть в два принадлежащих NASA реактивных самолета Т-38, которые мы припарковали несколькими днями ранее в Международном аэропорту Лос-Анджелеса, и улететь домой в Хьюстон. Но сначала надо было завершить испытания, даже если для этого придется остаться на выходные. И вот мы лежали в креслах, напоминавших маленькие батуты, и отслеживали работу электронной начинки «Аполлона».

Наша работа то приостанавливалась, то вновь продвигалась вперед. Протек шланг, и капли ядовитого гликоля остались на полу кабины. Из-за электрического замыкания нарушилась связь с комнатой управления рядом с нашей барокамерой. Прошло уже несколько тяжелых часов, и Том пробурчал: «Полететь на Луну? Да этот сукин сын даже на орбиту вокруг Земли не выйдет». Если подобные неполадки не устранить, они могут наслоиться друг на друга и испортить нам жизнь. Каждая проблема, которую мы найдем и устраним на Земле, уже не сможет доставить беспокойство нашим товарищам в космосе. Вот почему мы оставались пристегнутыми в креслах и прогоняли бесконечные проверки систем, приборов и переключателей.

Время было нашим врагом. Страницы календаря летели одна за другой, и дата старта, 21 февраля,⁴ становилась все ближе.

В Космическом центре имени Кеннеди во Флориде Гаса Гриссома тоже бесили проблемы со связью. «Я ни черта не слышу, что вы говорите, – сорвался он на стартовую команду. – Ради Христа... я говорю, как мы собираемся лететь на Луну, если мы не можем наладить связь между двумя или тремя зданиями?» Гас не лез в карман за словом и не останавливался перед действием. Он был одним из астронавтов первой семерки и уже дважды летал в космос, а теперь командовал «Аполлоном-1». Все в программе знали его твердую уверенность в том, что когда первый американец ступит на лунную почву, на его скафандре будет нашивка: «Гриссом». Если Гасу что-то не нравилось, он так и говорил. Однажды он подвесил большой лимон над

² Сам Сернан был в экипаже пилотом лунного модуля.

³ Наддув – процедура подъема давления в кабине до величины, превышающей внешнее давление. (*прим. ред.*).

⁴ NASA официально объявило ее 23 января, за четыре дня до описываемых событий.

тренажером командного модуля, уподобив эту вечно неисправную машину космической эры сломанному автомобилю. Такие выходы добавляли дополнительные штрихи к его и без того сложившейся репутации правдоруба.

Эд Уайт, сидевший с ним в корабле, был еще одной знаменитостью в рядах астронавтов. Выпускник Вест-Пойнта и сын генерала, невысокий и привлекательный, а главное, прямолинейный как стрела, он всего за 20 месяцев до этого стал первым американцем, вышедшим в открытый космос. Третьим членом экипажа был новичок и настоящий самородок. Роджер Чаффи еще ни разу не летал на орбиту, но произвел такое впечатление на боссов, что они дали ему заветное место в первом «Аполлоне». Роджер жил рядом со мной и был одним из ближайших друзей.

* * *

Длинный перечень проблем, с которыми мы боролись и на Мысе, и в Дауни, испортил и без того непростые отношения между астронавтами и фирмой North American Aviation.

Все корабли серий «Меркурий» и «Джемини» происходили из корпорации McDonnell Aircraft в Сент-Луисе, и между инженерами фирмы, которые их изготавливали, и астронавтами, которые на них летали, сложились крепкие узы доверия. Новость о том, что North American выиграла конкурс и будет головным подрядчиком по командному модулю «Аполлона», нас потрясла⁵. Мы знали, что у этой фирмы великолепная репутация по части строительства самолетов, но космические корабли были зверями совершенно другой породы. Проходили месяц за месяцем, и многие из нас считали, что проектная команда North American решила вновь изобрести колесо, вместо того чтобы положиться на решения, которые доказанно работают. Трудно было принять такой подход в программе, которая уже прошла через 20 000 системных ошибок.

Мы также считали, что они не проявили почти никакого интереса к тому, что предлагают астронавты. То обстоятельство, что мы уже летали в космос и что мы будем пилотами, которые стартуют на их новом творении, не делало нас экспертами в их глазах. Инженеры North American сами работали под невероятным давлением и не желали, чтобы какой-то «список хотелок» астронавтов дополнительно усложнял уже запредельную стоимость программы и жесткий график. В итоге между нами сложилось скорее хрупкое перемирие, нежели полноценное партнерство.

Два корабля, которые испытывались в этот день, известные под обозначением Block I, предназначались для полета не к Луне, а лишь на околоземную орбиту. Каждый полет «Аполлона» должен был строиться на опыте предыдущих и продвигать наш космический мост чуть ближе к лунной поверхности. Корабли типа Block I представляли собой немногим более чем ведро с гайками, но черт побери, ничего другого у нас не было, и с Божьей помощью мы собирались научить их летать!⁶

Изделия версии Block II – настоящие корабли, которые понесут кого-то из нас к Луне, шли следом в производстве, но они не могли быть готовы в ближайшем будущем, а нам был отчаянно нужен старт прямо сейчас. Русские запустили в прошедшем году три беспилотных лунных зонда⁷, и космическая гонка подошла к точке кипения.

⁵ NASA объявило о выборе этого подрядчика 28 ноября 1961 г., еще до первого орбитального полета «Меркурия».

⁶ В начале планировалось четыре пилотируемых полета кораблей этого типа, но к 1966 году в графике их осталось лишь два, а к началу 1967 года – всего один.

⁷ В 1966 г. СССР добился посадки на Луну станций «Луна-9» и «Луна-13»; США ответили успешным прилунением аппарата «Сервейор-1».

Наша работа в Дауни была сделана лишь наполовину, когда лишенный эмоций голос одного из техников прохрипел в наши гарнитуры: «Мы намерены сейчас же прервать испытания и извлечь вас, ребята».

Прервать? Мы издали стон непонимания. В таких испытаниях всегда возникали проблемы, и тогда давались задержки, а часы останавливали на то время, пока что-то проверяли. Мы спокойно сидели и работали над другими вопросами, пока специалисты разбираются с проблемой. На это могли уйти несколько минут или часов, но таковы особенности нашей работы.

Но задержка – это одно, а прервать испытания – совсем другое. Никто, и в особенности экипаж, не хотел останавливать тест до того, как он будет завершен, потому что тогда все это придется повторить снова, и мы можем потратить на это все выходные. Ну и кроме того, сброс вакуума из камеры, открытие этого чертова хитроумного люка и выход наружу в скафандрах были непростыми операциями.

«Зачем?» – рявкнул Том. Мы вовсе не хотели вылезать. Мы бы предпочли «повисеть», закончить задание и улететь домой. После нескольких часов работы проблем, казалось, становилось больше, а не меньше, но терпение никогда не числилось среди добродетелей астронавтов.

«Тома просят к телефону, это важно», – ответили нам. Вот это уже совсем странно. Во время испытаний мы никогда не отвечали на звонки, какими бы важными они ни были. Тем не менее мы услышали, как воздух начал поступать в объем камеры.

«Кто спрашивает? – настаивал Том. – Скажите, что я перезвоню». «Нет, – отвечал голос. – Нам сказали, что вы должны ответить немедленно». Через несколько минут техники откроют люк и помогут нам выйти.

Я начал отстыковывать воздуховоды, а мой мозг просчитывал возможности. Наверное, что-нибудь изменилось. В космической программе всегда что-то менялось. Быть может, нас назначили в полет с посадкой на Луну. Почему бы и нет? Мы вместе провели в космосе больше часов, чем любой другой экипаж, и мы уже являемся официальными дублерами на следующий полет «Аполлона». Но телефонный звонок о чем-то в этом роде мог подождать. Случилось что-то очень важное.

Черт побери, быть может, наш экипаж поставили на *первый* полет с посадкой на Луну. Или же стал явью наш худший кошмар, и к Луне летят русские. Был единственный раз, когда я слышал столь неопределенные слова – в день, когда мы потеряли двух астронавтов в авиакатастрофе как раз перед полетом «Джемини-9». Но об этом я предпочел промолчать.

Я бросил взгляд на Тома, которого мы постоянно подначивали на тему политической карьеры. «Наверное, это глава вашей предвыборной кампании, сенатор», – сказал я. «А быть может, звонит президент», – сострил Джон. Том был вне себя из-за остановки испытаний и дал понять, что ему не смешно.

Потребовалось около 15 минут, чтобы нас вытащили через люк, как сардин из банки. Мы с Джоном начали растягивать болевшие мышцы, двигаясь к дежурной комнате, а Том выхватил телефонную трубку у техника, ожидающего рядом с командным модулем. Мы не стали снимать скафандры – быть может, придется вернуться к работе, а снять космический скафандр не проще, чем вылезти из спортивного обмундирования. Мы с Джоном расслабились в первый раз за весь день, потягивая горячий кофе и беседуя о том, сможем ли мы вернуться домой раньше обычного, или же нам придется остаться в Калифорнии и завтра начать весь тест сначала.

Том подошел через пять минут, лицо его было белее мела. У нас с ним бывали мгновения, когда волосы вставали дыбом, и я знал, что этот человек абсолютно непрощаем и всегда контролирует себя. Таким я не видел его никогда. Мы не успели даже спросить, что стряслось, когда он поднял на нас глаза и произнес дрожащим голосом: «На старте был пожар».

Мы с Джоном обменялись короткими взглядами. Пожар на старте? Что это значит?

«Ребята в порядке?»

Стаффорд покачал головой. «Они погибли, – сказал он. – Гас, Эд и Роджер мертвы».

2

Похороны

Вертолет компании North American доставил нас в аэропорт Лос-Анджелеса, откуда мы, не озаботившись особо предполетным осмотром, поднялись в воздух на двух Т-38. Мы с Томом летели ведущими, а Джон шел ведомым. Мы не знали ничего помимо того, что услышали на заводе в Дауни. «Том, что они сказали тебе?» – спросил я по интеркому, когда мы неслись сквозь вечернее небо, и на смену берегу океана с распластавшимся Лос-Анджелесом пришли обширные и необитаемые пустыни Калифорнии, Аризоны и Нью-Мексико. Сзади нас садилось солнце, небо впереди темнело. Внизу мерцали огни – ночь накрывала городки в пустыне. Том попытался вспомнить точные слова, ища какой-нибудь намек, какой-то смысл в лаконичном сообщении, полученном им. Всё, что он знал и мог сказать мне, – наши ребята погибли. Пожар на старте. До сих пор такого невозможно было себе представить.

Через час и двадцать минут мы сели в Эль-Пасо, где дозаправились и полетели дальше почти со скоростью звука на высоте 13 700 метров, в каменном молчании. Нам было трудно сказать хоть что-нибудь. Делалось скверно на душе от того, *как* они умерли. В программе уже погибали люди, но они разбились на самолетах. Разумеется, все понимали, что рано или поздно астронавт может погибнуть в космосе. Но никогда нам не приходило в голову, что мы можем потерять кого-то в космическом корабле на Земле. Мы – пилоты, мы осознанно принимаем риск, мы полагаемся на свою подготовку и чувствуем себя уверенно, взбираясь в кабину нового самолета. И если мне на этой работе суждено получить серьезные неприятности на свою задницу, я бы предпочел столкнуться с ними в полете, а не сидя беспомощно на стартовой площадке и ожидая, как произойдет что-нибудь скверное!

Этим троим не довелось запустить двигатели своей огромной ракеты. Черт побери, она даже не была заправлена! Если бы она взорвалась после старта, они бы всё равно погибли, но эта трагедия, возможно, оказалась бы немного более переносимой. Гас, Эд, Роджер и все остальные решили стать астронавтами, чтобы использовать свой шанс полететь на Луну, а не умереть сидя на старте. Дайте мне ситуацию, на которую надо реагировать, принимать решение, правильное или нет, но дайте мне возможность побороться – и как раз такой возможности им не досталось. Мы всегда знали, что нам угрожает множество неизвестных проблем, но пожар на старте? Это напрасная потеря, и к такому мы не были готовы.

Я искал, на что направить свой гнев. Я не мог никого обвинить, потому что не знал в точности, что произошло, да и толку в поиске виновного не было. Они мертвы.

Свечение Сан-Антонио сошло на нет у нас за спиной, яркие огни Хьюстона появились на ночном горизонте. Мы начали снижение.

Роджер Чаффи поступил на летную службу после обучения на стипендию ВМС в Университете Пёрдью на год позже меня, и в первое время мы почти не были знакомы. Но когда мы оба оказались среди 14 астронавтов, имена которых объявили в октябре 1963 г., наши жизни переплелись. Это отражалось хотя бы в списке наших имен, если нигде более: в порядке английского алфавита его фамилия Chaffee стояла сразу после моей Sernan. На официальном снимке нашего набора и во многих других случаях он всегда оказывался рядом со мной.

Мы прибыли в Хьюстон в январе 1964 г. Роджер и его жена Марта, красивая молодая женщина, которую избрали королевой бала в Пёрдью на первом курсе, сняли небольшой рыжеватый двухэтажный домик в Клиэр-Лейк, юго-восточном пригороде Хьюстона, где они поселились с двумя детьми, Шерил и Стивом. Мы с женой Барбарой и девятимесячной дочерью Трейси въехали в съемный дом на соседней Хантресс-Лейн. Будучи молодыми лейтенантами

флота⁸, мы едва зарабатывали по 10 000 долларов в год, но вскоре на нас пролился дождь гонораров по договору с журналом Life, и мы смогли купить несколько участков в новом районе и построили там дома бок о бок, так что лишь тонкая деревянная изгородь разделяла наши дворы на Барбуда-Лейн. Мы вселились туда с промежутком менее чем в десять дней. У Роджера был первый в квартале плавательный бассейн, а я поставил в гостиной барную стойку, так что наши дома стали местом многочисленных вечеринок. Почти все соседи были участниками космической программы, и дома еще нескольких астронавтов стояли совсем рядом. Майк Коллинз, Джим МакДивитт и Дик Гордон жили чуть дальше по улице, а Алан Бин, Базз Олдрин и Дейв Скотт – за углом.

Роджер был трудоголиком; впрочем, я думаю, что и все мы тоже. Вне службы он проявлял замечательное чувство юмора. Мы часто охотились вместе, и я всегда использовал его ружья ручной работы, потому что своего у меня не было. Потом Марта отдала мне «магнум» калибра .243, и теперь у меня это одна из самых дорогих вещей. Прошло всего шесть недель с того дня, как наши семьи вместе праздновали День благодарения у них во дворе. В те же выходные мы с Роджером охотились вместе с легендой гольфа Джимми Демаре, и при перелете в западную часть Техаса на его маленьком «бичкрафте» меня стошнило. Роджер не давал мне забыть об этом. Космический герой, которого тошнит? «А на пути к Луне ты тоже собираешься блевать, Джино?» Как потом выяснилось, некоторых действительно рвало. Но я знал, что с Роджером такого не случилось бы, потому что у него был железный желудок. Перец халапеньо размером с банан он поедал в два больших укуса.

На вечеринках Роджер демонстрировал номер со шваброй. Он держал швабру горизонтально перед собой, затем перешагивал через нее, поднимал ее сзади, пронесил над головой и возвращал в исходное положение, не отпустив рук. Это было несложно сделать в трезвом состоянии и с хорошо разработанными суставами, но в противном случае опыт заканчивался чудовищной катастрофой. Ему особенно нравилось раздражать Базза Олдрина, прирожденного спортсмена, которого эта занятная салонная игра ставила в тупик. Мы с Роджером сроднились и в какой-то мере чувствовали себя братьями. А теперь он был мертв.

С того дня, как мы прибыли на службу в NASA, наши космические карьеры развивались параллельными путями. Мы делили арендованные машины, жили в одной комнате в гостиницах, иногда летали на одном самолете. Нас учили с таким расчетом, чтобы мы заняли места пилотов лунного модуля на «Аполлоне». Затем нам оказали особое доверие, потому что корабли типа Block I не обладали возможностью стыковки и не могли использоваться совместно с лунным модулем, в котором нам предстояло садиться на поверхность Луны, да и до завершения строительства первого лунного модуля на фирме Grumman было еще далеко. Так что в тот январский день 1967 года Роджер и я были пилотами лунного модуля на двух кораблях, у которых лунного модуля вовсе не было⁹.

Как часто вечером в пятницу, возвращаясь из недельной командировки на Т-38, таком же, как тот, в котором я находился сейчас, мы с Роджером пролетали на минимальной высоте над своими домами, прежде чем резко отвернуть влево, выпустить шасси и приземлиться на авиабазе Эллингтон. Еще от Сан-Антонио мы нацеливали острый нос самолета на дорожку, разделяющую наши дома, и с ревом пронеслись на скорости 1100 км/час над Барбуда-Лейн, встряхивая черепицу и заставляя дрожать посуду. Это шумное послание говорило женам (ну и соседям тоже), что мы скоро будем дома. Мы садились, прыгали по машинам и гнали со скоростью 130 км/час по двухполосному Старому Галвестонскому шоссе с единственным свето-

⁸ Соответствует капитан-лейтенанту в российской системе званий.

⁹ Нужно сделать оговорку, что экипаж Стаффорда был назначен на полет, в котором лунный модуль уже присутствовал, но пока за неимением такового работал в интересах «Аполлона-1». Что же касается Чаффи, то его официальная должность в экипаже Гриссома называлась просто «пилот».

фором в городке Уэбстер, чтобы затормозить с визгом у своих домов менее чем через десять минут. Это было не вполне законно, но, черт подери, мы же астронавты!

Я вспомнил об этом, когда мы с Томом пошли на снижение, но теперь при заходе на посадку мы облетели свой район стороной и осторожно зарулили на стоянку. Путь из Калифорнии домой всегда был долог, но на этот раз я не хотел, чтобы он закончился. Оставшись один, я поехал домой медленно, ошеломленный ощущением неполноценности.

Нашу узкую улочку заполнили машины. Я заехал к себе во двор, остановился, выключил зажигание. Не снимая пропотевший желтый летный костюм, я пересек лужайку – тридцать шесть шагов от моей двери до двери Роджера – и кивнул охраннику, который должен был сдерживать растущую толпу и не пускать прессу. Я не стал заходить к себе домой – знал, что Барбара у Марты. Жены в космической программе были женщинами особого сорта – они знали, что нужно делать, потому что такие трагедии случались и раньше. Всех их преследовал один общий кошмар – что однажды муж не вернется домой, а вместо этого в дверь постучится скорбный посланец с ужасной вестью.

Я обхватил Барбару и долго держал ее в объятиях, чтобы мы оба смогли осознать, что живы. Потом я отыскал Марту и тоже крепко обнял – нам обоим было это так нужно! Эмоционально опустошенный, я пытался передать физически то, что не выразить словами. Что я мог сказать ей? «Мне очень жаль, что твой муж только что сторел заживо»? К счастью, не мне пришлось объяснять Марте, что случилось. Эта обязанность досталась Майку Коллинзу.

Марта была в кухне, готовила хот-доги к обеду, когда внезапно появилась Сью, жена Алана Бина. Это ее не встревожило, потому что жены забегали часто. Барбара тоже должна прийти вскоре, она как раз вернулась из кино. За окном собралось много машин, но это было нормально – все возвращались домой на выходные. Ее дети, пятилетний Стив и восьмилетняя Шерил, смотрели телевизор в кабинете. Сью нервно несла какую-то чушь, но Марта все еще не беспокоилась о муже. Роджер во Флориде, и он даже не должен был сегодня летать.

Но потом на пороге возник Майк – а это уже не вписывалось в обычный распорядок. А когда Марта увидела его глаза, она поняла, что произошло что-то ужасно, ужасно плохое. Это было написано у него на лице. Теперь Марта знала, что случилось.

Пока Майк рассказывал ей страшную новость, еще один друг прошел в кабинет и выключил телевизор, потому что скоро должны были передавать выпуск новостей. Он занял детей складыванием уточки из фольги от сигаретной пачки. Справившись с первым потрясением, Марта позвала сына и дочь в спальню и запинаящимся голосом сообщила им, что отец больше никогда не вернется домой. Шерил сначала подумала, что мать говорит о разводе, но когда она поняла, что ее отец погиб, девочку охватило острое чувство одиночества. Марта сняла медальон в виде двух золотых сердец, подарок Роджера, который она всегда носила, и застегнула его на шею дочери: пусть память об отце будет всегда рядом. Шерил и сейчас носит этот медальон.

Я смотрел, как наши женщины пытаются справиться с ужасной задачей разделить горе. Всеми своими действиями они показывали, как любят Марту, а она то блуждала по комнатам в трансе, то хлопотала как хозяйка вечера, чтобы не думать о том, что Роджер не придет сегодня, и вообще никогда не придет. Конечно, это было дьявольски трудно, но я видел, как она расправляла плечи, поднимала лицо, вытирала слезы и выполняла свой долг, отвергая реальность. Она была женой астронавта, а жены астронавтов крепки в вере. Она не имела права на несовершенство даже в день самого тяжелого горя. В какой-то момент она перешла через задний двор к нам в дом и позвонила по телефону. Когда Марта возвращалась через парадное крыльцо, охранник остановил ее и спросил, кто она такая, прежде чем пропустить в ее собственный дом.

Дик Слейтон, наш босс, вскоре велел мне отложить все дела и заботиться о Марте. В этом был смысл, потому что космическая программа внезапно остановилась на полном ходу. Других астронавтов назначили помогать Пэт Уайт и Бетти Гриссом – им тоже предстояло мучительно привыкать к смерти мужей, к тому же в высшей степени публичной.

Я обнаружил, что у стремления Роджера делать всё безукоризненно существовала и обратная сторона. Он был настоящим хозяином дома, он выписывал все чеки и принимал все решения. Теперь, без него, жена и дети оказались одни в незнакомом море. Марта даже не знала, был ли Роджер застрахован – он всегда сам заботился о таких вещах.

Следующие несколько дней прошли как в тумане – я пытался привести дела друга в порядок и вернуть его семье чувство безопасности. Барбара была рядом и помогала на каждом шагу.

В маленькой пресвитерианской церкви Уэбстера отслужили панихиду. Небольшая белая часовня у Старого Галвестонского шоссе была переполнена потрясенными друзьями и соседями. Проповедник произнес речь, а затем мы вышли на улицу, и над нами пронеслось звено Т-38 с астронавтами за штурвалами, с одним пустым местом в строю. Миновав колокольню, они разошлись в разные стороны. Это была служба лишь для своих, для людей, которые знали троих погибших астронавтов ближе всех, для тех, кто самые важные годы своей жизни проработал в NASA. Мы не просто скорбели – каждый из нас чувствовал личную вину, как если бы мы могли сделать что-то, ну хоть что-нибудь, чтобы не случилась трагедия, которая теперь так потрясла нас.

Холодно было на Арлингтонском национальном кладбище в последний день января, особенно для тех, кто прилетел из Техаса. Резкий ветер трепал гривы шестерки гнедых лошадей, которые медленно цокали по извивающейся дорожке между надгробиями, везя катафалк с гробом Роджера Чаффи, накрытым флагом. На трех лошадях слева скорбно ехали молодые кавалеристы, а у трех справа седла были пусты, символизируя троих погибших седоков. Не одного, а всех троих. Гаса похоронили здесь же, на Арлингтонском, несколькими часами раньше, а Эд нашел покой на кладбище Военной академии США в Вест-Пойнте. Зимнее солнце сияло сквозь высокие облака, но это был черный день, день скорби, худший за все годы космической программы Америки.

Я был в синем военно-морском мундире, под вычищенными до блеска ботинками хрустел иней, когда мы занимали места на короткой траурной церемонии. Я изучал печальную сцену, и сердце мое гулко стучало. Всё было неправильно.

Марта сжала мою руку так сильно, что наши перчатки должны были сплавиться вместе. Вдова пребывала в смятении, я тоже. Ее дети, восьми и пяти лет, с трудом понимали, что происходит, сидя на холодных металлических креслах рядом с матерью. То же чувствовала и Барбара, которая осталась в гостинице в постели в полном истощении. Потрясены были родители Роджера, которые приехали на похороны из Гранд-Рэпидса в Мичигане. И Линдон Джонсон, президент Соединенных Штатов, стоявший у открытой могилы, тоже. Потрясена была вся страна. То, что случилось, просто не имело права произойти.

Страшные детали стали известны за прошедшие несколько дней. Очевидно, где-то в лабиринте проводов возникла искра, и чисто кислородная атмосфера корабля тут же создала душегубку. Парни боролись за жизнь, они пытались открыть этот чертов тяжеленный люк, но умерли за какие-то секунды, задохнувшись в своих скафандрах.

Космическая программа была плохо подготовлена к такой катастрофе, и мы собрались в этот день на Арлингтонском кладбище не как космические герои, а как простые смертные, лишенные плащей неуязвимости, и ноги отказывали нам.

Катафалк погромыхивал, холодный ветер морщил красно-бело-синее знамя. Лошади не спеша преодолевали милю извилистого пути от места краткой мемориальной службы у административного здания до готовой могилы за номером 2502-F на склоне мерзлого холма, где Роджер должен был обрести вечный покой рядом с Гасом. Скрип кожаных седел, позвякивание металлической упряжи и глухие удары копыт служили аккомпанементом к военному оркестру, который маршировал с глухим барабанным боем, медленно играя «Вперед, солдаты Христа». Затем гроб понесли астронавты.

У этого вирджинского холма, открытого всем ветрам, было градусов на двадцать холоднее, чем в Хьюстоне, в те минуты, когда отдавались воинские почести по высшему разряду лейтенант-командеру¹⁰ Роджеру Чаффи. Он потерял жизнь всего за несколько недель до того, как должен был стать двадцатым американцем в космосе.

Марта вытерла слезы дочери Шерил, а отец Роджера, заметно дрожа, положил руку на холодный стальной гроб своего сына. Президент Линдон Джонсон от имени народа Соединенных Штатов лично поблагодарил их, но Марта не запомнила этого. Супруга президента и вице-президент Хьюберт Хамфри исполнили такой же церемониал в Вест-Пойнте. Члены Конгресса, руководители NASA и еще несколько сот человек стояли в отдалении, когда с гроба сняли флаг, и команда срочников ВМС сложила его треугольником и передала Марте.

Затем внезапно раздались три залпа ружейного салюта, и потекли скорбные ноты горнов, которые, казалось, будут звучать вечно. Мы посмотрели вверх и увидели сквозь скрюченные, по-зимнему голые деревья, как с грохотом несется парадное звено «Фантомов», и один самолет уходит вверх и в сторону из строя. Теперь все было кончено.

Один лишь невыносимый вопрос лежал вне нашего круга скорби. Мы пришли сюда, чтобы проводить в последний путь наших любимых и друзей, или же в этот день на Арлингтонском кладбище мы хоронили всю пилотируемую космическую программу? С этого момента мечта отправить людей на орбиту и далее должна была рассматриваться сквозь призму тех жертв, которые для этого потребуются. Наше предприятие было опасным, и теперь мы все ясно понимали, что имел в виду президент Кеннеди, когда говорил, что наша страна должна принять этот вызов не потому, что полететь на Луну просто, а потому, что это трудно. Он хотел, чтобы мы высадили человека на Луну до конца десятилетия, и сейчас, в начале 1967 года, первый космический корабль, который мог приблизить нас к этой цели, лежал в руинах. Часы тикали, а работы еще оставалось очень много. Быть может, то, о чем просил Кеннеди, на самом деле невозможно?

Я смотрел, как хоронят моего друга, и начинал думать, не будет ли смерть Гаса, Эда и Роджера стоить нам шанса пройти по Луне. Не конец ли это всей программе «Аполлон»?

¹⁰ Соответствует капитану 3-го ранга.

3

Проданный монашками

Первые астронавты по природе своей должны были обладать отвагой и самоуверенностью, потому что невозможно усесться в парусиновое кресло на верхушке монструозной ракеты и с готовностью, более того – с нетерпением ожидать старта на ней в космос, не имея полной уверенности в себе и своих способностях. Не мешала и некоторая доля гордыни: «Я могу сделать всё!» Мы были пропитаны духом соперничества во всем – и когда гоняли на наших «корветтах» по Мысу, и когда устраивали изысканные розыгрыши, и когда рассекали в небесах на Т-38, превращая обычный тренировочный вылет в воздушную схватку.

Возвышаться над нами мог бы лишь человек особого рода, и Вернер фон Браун как раз и был таким. Американская публика считала нас блистательными и отважными героями, но в присутствии *герра доктора* мы оказывались школьниками с мечтой о полете в космос. Да, мы были хороши, но он – великолепен, человек, создававший эти прекрасные ракеты, которые понесут нас к Луне. Мы отдавали делу свои тела, а он – мозг.

Однажды вечером в хьюстонском ресторане, где он собрал четырех астронавтов-новичков, из которых никто еще не летал, я осознал, что этот крупный немец – красивый почти как кинозвезда, с густыми темными волосами, аккуратно уложенными на одну сторону, и с горящими глазами истинно верующего – намного больше, чем просто ученый. Он был визионером и философом, можно сказать, Жюлем Верном наших дней, способным проникать взором в будущее. Германские ученые обычно ассоциировались с прямым углом: инженеры и техники, которые стремились к абсолютному совершенству во всех вопросах. Фон Браун шел много дальше – в мир идей, где нет прямых линий и нет преград, и он считал сухие формулы необходимыми только в той степени, в какой они могут удовлетворить его страсть к космическим путешествиям. Он был инженером высшей пробы, но одновременно и мечтателем, то есть именно тем, в ком нуждалась космическая программа. Он уходил далеко вперед от событий настоящего момента. Как своего рода алхимик, фон Браун мог превратить научную фантастику в научный факт.

Он наклонился вперед, поставив локти на тугую белую скатерть, и обратил к нам повелительный взгляд и уверенные слова. Не беспокойтесь о том, как попасть на Луну, сказал он, словно это было простое житейское дело. Своей большой рукой он как бы смахнул в сторону проблемы, которые отнимали так много времени, усилий и денег, но в действительности являлись лишь набором технических вопросов, которые все равно будут решены. Идеи исходили от него и накрывали нас.

Мои товарищи, занятые обсуждением одного из предсказаний фон Брауна, внезапно отошли на второй план, когда он обратил свой пронзительный взгляд на меня. «А теперь твой черед, Джин, – произнес он, – тебе предстоит пронести эту мечту». Наверно, я поперхнулся от изумления, потому что он рассмеялся: «Ты должен стать одним из первопроходцев, и я завидую тебе».

Я посмотрел на него с недоверием, спрашивая себя, кто этот человек – настоящий гений или настоящий сумасшедший? Он, директор Центра космических полетов имени Маршалла, завидует мне? Однако это было логично. Я готовился к тому, чтобы в конечном итоге полететь на Луну на его гигантской ракете «Сатурн V», а он если и испытывал что-то похожее, то только в детстве, когда прикрепил несколько петард к машинке, поджег их и отправил автомобильчик в безумную поездку. Фон Брауну предстояло достичь своей мечты лишь опосредованно, через наши путешествия в космос.

Он подрегулировал кресло и дотянулся до небольшого предмета в центре стола. «По-настоящему важно то, что вы сделаете, когда доберетесь до Луны, – сказал он и пояснил, что мало просто взлететь, совершить посадку и вернуться домой: – Ведь Линдберг не для того перелетел Атлантический океан, чтобы добраться до Парижа». Настоящая исследовательская экспедиция должна расширять Вселенную знаний, и это работа, у которой нет конца.

Фон Браун слегка подтолкнул серебристую солонку, как будто это была игрушка. «Джин, тебе потребуется мобильность. Мы сделаем автомобиль». Он видел в своем воображении, как мы покидаем лунный посадочный модуль, выходим наружу и исследуем неизведанный неземной ландшафт.

Поскольку я пребывал в состоянии почтительного благоговения, я не ответил: «Что-что, Вернер, автомобиль? Да ну тебя. Мы с трудом выводим космический корабль на околоземную орбиту, чтобы отработать базовую технологию стыковки, а ты говоришь, что я буду преодолевать кратеры на лунном багги?» Я не мог себе этого представить. Но я ничего не сказал, и хорошо, что я не раскрыл рот, потому что на «Аполлоне-17» мне представилась возможность сделать как раз то, что предсказал фон Браун, – вести лунный ровер в увеселительную прогулку на многие мили от моего космического корабля.

Я имел своеобразную связь с работами фон Брауна почти с самого рождения 14 марта 1934 года в больнице Св. Антония в Чикаго. В раннем детстве моя старшая сестра Долорес удерживала меня в повиновении, постоянно нашептывая, что я должен быть хорошим мальчиком, потому что на самом деле я не являюсь членом семьи – она, мол, просто пошла к Святому Антонию и купила меня у монашек за пару долларов.

Тот факт, что Эндрю Джордж Сернан и его жена Роза произвели на свет второго ребенка, не был замечен никем, кроме членов семейства и соседей, живущих рядом с нами в чикагском пригороде Бродвью. В этот год на слуху были другие дети. В мае на небольшой ферме в Каллендере (Онтарио, Канада) появилась знаменитая пятерка девочек-близняшек Дионн. Еще через несколько месяцев плотник-иммигрант по имени Бруно Ричард Хауптманн был арестован за похищение и убийство маленького ребенка пионера авиации Чарлза Линдберга. Ну и я определенно не стал крупнейшим событием этого лета в родном городке, ведь в моем свидетельстве о рождении не говорилось, что его новорожденный обладатель станет последним человеком, прошедшим по Луне. Отнюдь нет: заголовки газет достались гангстеру Джону Диллинджеру, которого предала Женщина-в-Красном и которого застрелили агенты ФБР при выходе из городского кинотеатра.

Мало печаталось тогда и о событиях в Европе, где собирались зловещие облака, которые вскоре бросят тень на весь земной шар. В этом году Адольф Гитлер истребил своих соперников в нацистской партии и присвоил себе титул, от которого содрогнется весь мир, – фюрер.

В это же самое время в Германии существовала уникальная группа ученых-ракетчиков. Их эксперименты стоили дорого, слишком много для небольших частных фондов, спонсирующих тайные исследования. Однако свою помощь предложили немецкие генералы – финансирование, полную поддержку и секретное место для работы. Наивные ученые приняли сделку, считая Гитлера глупцом, который вскоре сойдет со сцены. Фон Браун был прав во многих делах, но он чудовищно ошибся в отношении Гитлера, которого вовсе не заботило исследование космоса. Ученых собрали в программу, которая стала частью военных усилий Германии, и их революционные ракеты V-1 и V-2¹¹, оснащенные боеголовками со взрывчаткой, посыпались дождем на Англию.

¹¹ Читается «Фау-1» и «Фау-2» соответственно. Это были пропагандистские названия – техническое обозначение ракеты V-2 было Aggregat 4, или просто A-4.

Когда в 1945 году война закончилась, русские и американские силы мчались наперегонки к ракетной базе в прибрежном городке Пенемюнде¹², чтобы захватить сокровища в виде самих ученых, их отчетов и ракетного «железа». Фон Браун и еще 117 германских ученых-ракетчиков сдались нашим войскам, но многие другие достались Советскому Союзу. Так началась космическая гонка, которая стала доминантой моей жизни.

Я – американец чешского и словацкого происхождения во втором поколении. Розалия и Франтишек Циглар, Стефан и Анна Чернян приехали в Америку еще до начала Первой мировой войны и, как и многие чехи и словаки, поселились в районе Чикаго.

Семья моей мамы – Циглары – происходящая из богемского города Табор, примерно в 150 км южнее Праги, считалась культурной и талантливой. Мой дед изменил свое имя на Фрэнк и нашел работу на угольном складе. Он ухаживал и взял в жены Розалию Петерка, симпатичную девушку, которая американизировала свое имя как «Роза», в Брейдвуде, штат Иллинойс. Моя мама родилась в 1903 году, и ее тоже называли Роза. Она выросла красивой темноглазой женщиной, которую фотографии рисуют стройной и улыбающейся, в модной одежде 1920-х годов. Дедушка и бабушка с маминой стороны умерли к тому времени, как мне исполнился год.

У себя на родине чехи, такие как семья моей матери, считались принадлежащими к элите, а вот Стефан и Анна Чернян – в американском написании Сернан – были обычными крестьянами из захудалого промышленного поселка Висока-над-Кисуцоу, в трех десятках километров от польской границы. Стефан был ростом всего 151 см и весил не более 55 кг, но именно он наделил меня решимостью и сильной волей, необходимой, чтобы добиться успеха вопреки всему.

Он приехал в Соединенные Штаты первым и привез на эти берега свою невесту Анну Луциан в возрасте 22 лет. В 1904 году она дала жизнь моему отцу Эндрю. Потом у них появился второй сын, мой дядя Стив, американская версия Стефана. Дедушка Сернан работал в угольной шахте и получал достаточно денег, чтобы купить небольшой домик на авеню Хойн в южной части Чикаго. Однако легкие, пострадавшие от душающей работы, заставили его еще раз изменить жизнь, и в 1930 году они с бабушкой уехали из Чикаго за свежим воздухом в северные леса у Антиго, штат Висконсин.

Казалось, что они не просто переехали в другой штат, а вернулись обратно в Старый Свет. В Чикаго у них были городские удобства: электричество, водопровод и угольная печь. На ферме всех этих вещей просто не существовало, и экономия была нормой жизни. Все, что нужно, они делали сами. Впоследствии мне предстояло коснуться будущего и жить в условиях, известных только по научно-фантастическим книгам, но когда подростком я тащился несколько миль по гравийной дороге от почтового ящика до дедовской фермы, это было похоже на путешествие назад во времени.

Дедушка Сернан, маленький и похожий на гнома, имел руки с крепкими мускулами. С помощью лишь двух лошадей, Долли и Принца, он расчистил 32 гектара земли, собрав в кучи большие камни и выкорчеванные пни, чтобы освободить место для ровных рядов кукурузы. Когда мой отец захотел провести на ферму электричество, дед решительно отказался. Что могло бы принести электричество такого, чего не мог бы сделать он сам? А теперь некоторые спрашивают, откуда у меня упрямый характер.

За закрытыми дверями двухэтажного дома моя улыбчивая бабушка, классическая крестьянка из Старого Света, которая носила длинные платья и покрывала голову платком, правила своим скромным королевством. На солидной, массивной мебели всегда лежали чистые, почти стерильные салфетки. Такой же чистотой сверкали и полы. Обувь нужно было снять, прежде чем войти в дом. По вечерам, под тиканье часов с маятником на стене, мы читали при

¹² Пенемюнде заняли без всякой «гонки» части 2-го Белорусского фронта. Американские войска захватили производственный центр ракет А-4 в Тюрингии в районе, который по договору должен был отойти в советскую зону оккупации.

свете керосиновой лампы и слушали звуки польки с больших, размером с тарелку, пластинок заводного патефона. А в это время у печи, топившейся дровами, бабушка творила чудеса. Мясничьим ножом она отрезала полоски от рулона домашнего теста и жарила из них «ушки», а я посыпал их солью и поедал целыми горстями. После обеда из тушеного мяса со свежей кукурузой подавались шишки – словацкие жареные пирожки, покрытые сахаром. Бабушка варила пиво на заднем крыльце и хранила его в холодном таинственном погребе среди нагромождений из мешков с картошкой.

Банные дни случались нечасто. Мылись в большом оцинкованном тазу на покрытом линолеумом полу в кухне. Воду приносили ведрами и грели на печке. Холодными зимами мы спали на недостроенном чердаке на четырех кроватях под стегаными пуховыми одеялами, и поднимающееся от печки тепло не давало нам замерзнуть.

С регулярным метанием сена, уходом за животными и прочим заботами накачались и мои мышцы, хотя я часто желал, чтобы дед более разумно подходил к использованию сберегающих труд устройств. Мы жили словно в XIX веке. Еще одной работой, которая была мне противна до глубины души, но закаляла характер, была помощь в чистке двухочкового сортира. А каждой весной Долорес и меня изгоняли с чердака, где бабушка и дед разделявали телянка, чтобы у нас дома летом было мясо. До сего дня Ди не может есть телятину.

Наверное, лучшее, что было на ферме, это старый сарай. В нем среди инструментов, на кирпичках, укрытый конской попоной, пахнувшей сеном, стоял «форд» модели А – с колесами на спицах и с гремящим сиденьем. Эта машина сыграла большую роль в моей жизни.

Мои мать и отец, Роза и Энди, выросли в окрестностях Чикаго и встретились на танцах, куда пришли с другими знакомыми, но сменили партнеров вскоре после того, как были представлены друг другу.

Мама стала июньской невестой в 1925 году. Молодые Сернаны, экономные, ответственные и получившие от родителей навык упорной работы, накопили достаточно денег, чтобы купить в 1928 году дом на 18-й авеню в Бродвю, штат Иллинойс, а на следующий год Ди стала первым ребенком, появившимся на свет в этом новом пригороде. А через несколько лет, когда с экономикой в Америке стало на самом деле плохо, в мир пришел и я – незапланированное дитя Депрессии. В тот момент последнее, о чем мечтали люди, – это лишний рот, который надо кормить, но у семьи не было особого выбора.

Отец занимался эмалировкой, работая на фирму из Канзаса, но из-за Депрессии бизнес рухнул, папа потерял работу, а затем пришлось продать дом. Нужно было переезжать, и мы сняли дом на 23-й авеню в близлежащем Беллвуде. Мои воспоминания начинаются с этого места и примерно с трехлетнего возраста. Ди в это время переболела скарлатиной. Что же касается меня, то у папы имелась газовая плита на пропане, чтобы разогревать паяльник, и эти плиты не были столь безопасны, как те, что мы спокойно используем сейчас при выезде на природу. Однажды она взорвалась, огонь перекинулся на меня, но папа выбросил горящего сына наружу и там стал катать его по траве, чтобы затушить пламя. В итоге я не получил даже шрама и сумел пережить остаток того года, который мы провели на 23-й авеню. Мне было около четырех лет, когда мы переехали на несколько лет в другой съемный дом на Южной 21-й авеню в Мейвуде, выплачивая за него сумасшедшую сумму в 35 долларов в месяц.

В моей семье не было ни адмиралов, ни генералов, чтобы направить мои стопы к военной карьере. Правда, в далеком 1853 году мой дед со стороны матери пошел служить по призыву в австрийскую армию, а несколько родственников носили форму в дни Второй мировой войны. Отец оказался слишком молод для Первой мировой и слишком стар для Второй, так что солдатская судьба не имела почти никакого влияния на меня, когда я был ребенком.

В 1941 году, когда Перл-Харбор подвергся атаке и США вступили во Вторую мировую войну, мне было всего семь лет, и я ходил во второй класс начальной школы Рузвельта. Война означала новую работу для обоих родителей. Папа трудился на фирме American Can Company,

и, когда она открыла базу для подготовки торпед для флота, он перешел в новое подразделение на график с «рваными» сменами. Мама устроилась в компанию Jefferson Electric в Беллвуде. Каждый день она сидела на табуретке перед большим станком и аккуратно вытягивала своими изящными пальцами тонкие нити проводов, а затем плотно наматывала их на керамический сердечник, чтобы получился трансформатор. В конце дня ее толстые перчатки и кожа под ними выглядели так, будто их порезали острыми ножами.

Меня постоянно звали помочь отцу в его большом саду и в гараже, где он учил меня, как работают машины, как сажать помидоры и как собирать те или иные конструкции. Он мог всё – от ремонта туалета до переборки двигателя. Если папа брал в руки молоток, то и Джин брал в руки молоток, и от меня всегда хотели, чтобы я сделал как можно лучше то, за что взялся. Если я сгибал гвоздь, неаккуратно вгоняя его в доску, папа требовал, чтобы я его вытащил, выпрямил и забил этот же самый гвоздь, но уже правильно. Если ты намерен что-то сделать, настаивал он, то сделай как следует или не берись вообще.

Военные годы зарили в меня семена важной идеи. Наше семейство отправилось, как мы это часто делали, в один из ближайших пригородов в кино. Я обнаружил, что с интересом смотрю киножурнал *Movietone*, черно-белое полотно мировых событий, не сильно отличающееся от современных новостных программ по телевидению. Меня поразили репортажи с войны на Тихом океане о боях за такие волнующие места, как острова Уэйк, Мидуэй и Гуадалканал. Смелые пилоты ВМС США вылетали атаковать врага, прокладывая выстрелами путь к победе, а затем возвращались к качающемуся на волнах авианосцу. Быстроходные «хеллкэты» и «корсары»¹³ с чайчьим крылом клевали носом, когда зацепляли хвостовым крюком за посадочный трос на огромной плоской палубе. Вот это было здорово! Я упирался ногами в кресло впереди и тянул за воображаемые рычаги управления, пробивая себе путь к успешной посадке вместе с пилотом на экране, и в этот момент меня осенило: «Вот чем я хочу заниматься!»

В 1945 году, когда закончилась война, мне было 11 лет, и жизнь в окрестностях Чикаго вернулась в состояние нормального хаоса. С улучшением экономической ситуации доходы нашей семьи достигли такой величины, что мы переселились в небольшой двухэтажный дом по адресу Маршалл-Стрит, 939, в Беллвуде, который стал нашим гнездом на много лет. Это здание в георгианском стиле ценой в 6500 долларов имело площадь не более 75 м², не считая подвала, и в нем была всего одна ванная. Мы с Ди разделили комнату наверху и впервые нам не приходилось спать в одной постели. С самого моего детства и до момента, когда она вышла замуж, а я уехал учиться, ни у нее, ни у меня не было собственной комнаты. Позднее мне не составляло труда лежать в скрюченной позе в маленьком космическом корабле: по крайней мере, остальные астронавты не загромождали территорию туалетным столиком, уставленным экзотическими кремами, средством для полировки ногтей и тубиками с краской для бровей и губной помадой, с оборочками и с большим круглым зеркалом.

Поскольку мне не довелось спасти мир в борьбе за демократию, я открыл для себя спорт. За никелевую монетку я поднимался на лифте на Ригли-Филд и смотрел, как играют Chicago Cubs. В 1945 году они выиграли вымпел Национальной лиги, и со следующего года я стал болеть за победителя – так горячо, что и сейчас могу назвать стартовый состав 1946 года, и до сих пор каждый год мое сердце болит, когда Chicago Cubs вылетают из кубка, так и не получив с тех пор заветного трофея¹⁴. На улицах и на пустых стоянках я начал играть в американский футбол, баскетбол и бейсбол и обнаружил в себе хорошие спортивные задатки. Впрочем, мне пришлось поработать над ними, потому что вокруг было так много других парней с еще большими талантами.

¹³ Соответственно F-6F фирмы Grumman и F-4U компании Vought.

¹⁴ Команде удалось сделать это лишь в 2016 году.

14 октября 1947 года молодой и горячий летчик-испытатель по имени Чак Йегер, пролетая вдали над плоской калифорнийской пустыней, первым преодолел звуковой барьер. Тем временем в Техасе Вернер фон Браун готовил программу международных научных исследований в космосе под названием Space Flight. Оба события оказали влияние на мою жизнь: достижение Йегера открыло новую эру для реактивных самолетов, а работа фон Брауна определила план исследования и освоения космоса. Со временем я познакомился с ними обоими.

Выпускные работы за седьмой и восьмой класс я сдал в школе Мак-Кинли в Беллвуде и в 1948 г. перешел в среднюю школу Провизо в соседнем пригороде Мейвуд – неуклюжий пацан, который по настоянию матери играл в ансамбле на кларнете. Два года я играл в американский футбол в младшей команде, а с матчей школьной сборной сбегал после первого тайма, переодевшись в концертный костюм.

Папа интересовался главным образом моей итоговой ведомостью. Он мечтал, чтобы сын продолжил учебу в лучшей инженерной школе страны. Ею считался Массачусетский технологический институт, но это было неподъемно с точки зрения финансов, и тогда папа указал мне на Университет Пёрдью в соседней Индиане как на вполне приличную замену.

К этому времени, играя в организованных школьных командах, я также обнаружил, что существуют девушки. Это означало, что мне нужны колеса, а это, в свою очередь, требовало денег. Еще ребенком я много лет работал на полставки – складским рассыльным на Jefferson Electric, разносчиком газет *Chicago Tribune* и *Daily News*, сборщиком мусора. Теперь, в средней школе, я начал зарабатывать большие деньги. Я мог получить целых 24 доллара за выходной, таская мячики для гольфа – две корзины на один раунд в гольф-клубе Medina Country Club. Что же касается транспорта, то решением этой проблемы был «форд» модели А, все еще стоявший на кирпичках в амбаре деда. Когда мне исполнилось 15, я получил права, и вся моя жизнь изменилась. «Форд-купе» 1931 года выпуска требовал полной переделки; под руководством отца я залез в его внутренности, чтобы понять, как работает древний четырехцилиндровый двигатель, получив тем самым первый опыт в инженерном ремесле. Поршни у «форда» были размером с обеденную тарелку, кресло громыхало, на водительской стороне висело запасное колесо. Имелся съемный полог. Механические тормоза. Я поставил найденный на автокладбище радиоприемник, отполировал машину до блеска, установил брызговики и выкрасил бампер серебряной краской, а шины – белой. Вскоре вокруг машины уже толпились другие парни, а также пара девушек, которые вместе со мной совершали величественный объезд вокруг школы и выезжали в авторесторан и на тусовки. На бензин уходило 25 центов в неделю.

Предметы в средней школе давались мне легко, однако на третий год пришлось принять серьезное решение: начался футбольный сезон, и нужно было выбирать: то ли играть на кларнете, покидая стадион на половине матча, то ли остаться в футболе полностью. То и другое совмещать не получалось, и выбор был прост: да, спортом заниматься трудно, но на кларнете играть просто невозможно. Маме это не понравилось, но я стал эндем в команде по американскому футболу.

Как только я попал в команду, я выучил еще один важный урок, опять же преподанный мне отцом. Другие парни могут быть крупнее, опытнее, с большими природными способностями, но нужно держаться и делать всё, что я могу, в каждой игре. Разумеется, он был прав. Я никогда не был первым игроком, равно как и одаренным спортсменом или обладателем лучшей техники, но я работал упорнее, чем большинство, и прислушивался к тренерам. В последнем классе я уже входил в сборные школы по баскетболу, бейсболу и футболу, я пробежал 80 ярдов до очковой зоны в игре против наших главных соперников в лице Нью-Трирской школы и был избран президентом клуба Леттермана. Дартмутский колледж посулил мне футбольную стипендию, Университет Дьюка тоже проявил некоторый интерес.

Двумя классами младше учился шестнадцатилетний гигант, который доминировал на футбольном поле и мог отдать пас на 60 ярдов на лету. Рей Ницшке обрел потом футбольную славу в качестве лайнбекера команды *Green Bay Packers*. На несколько лет старше меня, в одном классе с Ди, училась хорошенькая девушка по имени Кэрол Лориа – она стала талантливой певицей и актрисой Кэрол Лоренс.

Корейская война началась, когда я был в выпускном классе, и имела немедленные следствия. Ди только что получила диплом учительницы и вышла замуж за Джима Райли, близкого друга, который жил через две двери от нас в Беллвуде, а вскоре Джим поплыл в Корею. Ди на это время вернулась в нашу общую комнату.

Идея отправиться в Корею в составе пехоты даже не посетила мой мозг, потому что у меня были другие планы. Я не собирался уклоняться от Кореи, но уж если придется идти воевать, то я хотел бы быть летчиком флота. Чтобы найти путь к полетам и одновременно соответствовать требованию отца и получить высшее образование, я подал в начале выпускного класса на флотскую стипендию.

Я прошел с высокими оценками и подписался на программу военного обучения для ВМС¹⁵ в Университете Пёрдью. Контракт включал полную оплату учебы плюс средства на карманные расходы, три летних похода и выпуск через четыре года в младшем офицерском звании энсина ВМС США. Однако из ВМС сообщили, что вакансии в Пёрдью уже заполнены, и предложили мне такую же программу в Университете Иллинойса. Я не хотел говорить об этом отцу, потому что он не воспринимал Иллинойс как хорошую техническую школу.

Затем ВМС предложили частичную стипендию в Пёрдью – программу со скудной финансовой подпиткой и с зачислением после окончания учебы в резерв ВМС. Мне этого не хотелось, потому что я знал: всей семье придется напряженно работать, чтобы оплатить мою учебу в Пёрдью в качестве студента из другого штата. По настоянию папы я с неохотой согласился, понимая, что получу не только диплом, но и назначение в ВМС, хотя бы и в резерв, и, быть может, при благоприятном развитии событий реализую свою мечту о полетах.

В июне 1952 г. я окончил среднюю школу Провизо на 14-м месте из 762 выпускников. Не прилагая особых усилий, я сумел заработать бронзовую, серебряную и золотую стипендии и членство в Национальном обществе почета. Я был готов отправиться в Пёрдью, который воспринимал как ворота к мечте – мечте о том, чтобы взлетать на самолете с палубы авианосца. К этому моменту я никогда не видел авианосца и ни разу не сидел в самолете.

¹⁵ Отдаленный аналог отечественной военной кафедры, но с обязательством отслужить после окончания учебы в том виде Вооруженных сил США, который платил стипендию.

4

Золотые крылья

Америка становилась нацией на колесах, и я был частью этой механической революции. Я продал свою модель А, купил старый «шевроле» и отправился в Университет Пёрдью, в город Вест-Лафайетт в Индиане, в 250 км от нас по 52-му шоссе. Я нырнул в университетскую жизнь и в осознание первой настоящей личной ответственности, как рыба в воду.

Денег было мало, и я чувствовал обязательство перед семьей – помочь в оплате обучения. На первом курсе я жил в общежитии с одним из старых футбольных друзей – и впервые в жизни не делил комнату с сестрой. Чтобы возместить расходы, я работал в столовой и выиграл небольшую академическую стипендию – платежи от ВМС должны были начаться лишь с третьего курса.

Во втором семестре я подал на вступление в братство Фи-Гамма-Дельта, и «фиджи», как они называли себя, дали мне опору, чувство общности, центр и дом. На втором курсе я переехал в общежитие этого общества, и моим соседом по комнате стал Билл Смит – рыжеволосый парень, который играл в футбол против Провизо в команде Нью-Трирской школы. На одну женщину в студгородке приходилось семеро мужчин, потому что девушек основные специальности Пёрдью – инженерные и сельскохозяйственные – не привлекали. Членство в братстве давало мне преимущество: Смитти говорит, я так часто влюблялся, что он стал просто игнорировать меня, когда я возвращался со свидания, очарованный новейшей дамой в моей жизни.

Я попробовал заняться баскетболом и бейсболом, но быстро понял, что недостаточно хорош для состязаний Большой десятки университетов, невзирая на все мои усилия. Однако я мог выступать на внутрифакультетских соревнованиях, а это тоже было непросто, потому что в число игроков входили бывшие спортсмены-школьники на уровне штата и крепкие парни на грани попадания в университетскую команду. Наши команды Фи-Гамма-Дельта и военно-морских стипендиатов часто играли не только с другими коллективами Пёрдью, но и с бейсбольными и баскетбольными командами аналогичного происхождения из других университетов.

Многие студенты Пёрдью были старше нас – они успели повоевать в Корее и поступили в высшую школу на военную стипендию. Одна из лучших приятельниц Смитти, Джен Шерон из Нью-Трира, как раз была подругой такого военнотружущего. Этот парень учился на год старше нас и отличался удивительной скромностью. Мы могли бы так и не узнать, что он сделал 78 боевых вылетов на реактивных «пантерах»¹⁶ с авианосца «Эссекс» и заработал три Воздушных медали. Его имя было Нил Армстронг.

Много лет спустя, когда Нил участвовал в испытаниях экспериментального ракетного самолета Х-15 на авиабазе Эдвардс, Смитти заехал к нему и вскоре обнаружил себя в подвале дома вместе с молчаливым летчиком, который обертывал трубы изоляцией. Смитти стал к тому времени авиационным инженером, естественно, его очень интересовал самый крутой самолет в американском небе, и он спросил: «Так что, Нил, ты теперь летаешь на Х-15?» Нил, продолжая обертывать трубу, промычал: «Угу». На этом разговор и кончился. Нил не пытался произвести впечатление на людей одними лишь словами – он предпочитал, чтобы за него говорили дела. Нил был настолько молчалив, что когда он сделал свой исторический шаг по Луне и произнес: «Это один небольшой шаг для человека, но огромный скачок для человечества», те, кто знали его, удивились вовсе не тому, что он выступил с такой запоминающейся фразой. Сюрпризом на самом деле было то, что он вообще что-то сказал.

¹⁶ F-9F компании Grumman.

В итоге Университет Пёрдью занес в списки выпускников и первого человека, который прошел по Луне, и последнего. Нил выпустился в 1955-м, я в 1956-м, а в выпуске 1957 года был приветливый Роджер Чаффи. Впереди всех нас, в выпуске 1950 года, оказался Гас Гриссом, а годом раньше – Айвен Кинчлоу, летчик-испытатель, который установил мировой рекорд высоты в 38,4 км на экспериментальном самолете X-2 фирмы Bell. В последующие годы многим другим пилотам и инженерам предстояло узнать, что магистральный путь в космическую программу проходит через Вест-Лафайетт. Надо полагать, этот университет давал очень хорошее техническое образование.

Первые семестры в Пёрдью были лишь немного сложнее с точки зрения учебы, чем средняя школа, и я легко шел вперед с высокими оценками к серьезной степени инженера-электрика. Сердца американской телевизионной аудитории покорял сериал «Я люблю Люси», но я эту комедию пропустил, потому что «фиджи» нацеливались на высшие достижения в учебе, и братство проголосовало против установки в общежитии телевизора, опасаясь, что он будет отвлекать от занятий. И я думал, что так легко будет и дальше, пока в один прекрасный день не получил тревожный звонок из курса теоретических основ электротехники. Я вдруг осознал, что работа, которую я читаю, странным образом кажется сложной, как будто написана какой-то тарабарщиной. Я моргнул глазом – все осталось как было. Я ее не понимал! О боже, неужели я получу за этот курс тройку? Или даже пару? Для того, кто до сих пор легко зарабатывал хорошие оценки, это был момент остановиться и подумать, и мне пришлось признать, что я попал в новый мир. А если я получу пару, я могу ведь и вылететь? Нет, это определенно не вариант – и потому что родители так напряженно работали, чтобы отправить меня учиться, и потому что неудача огорчит папу и станет концом моей мечты о полете. Я понял, что пора заняться делом и научиться учиться.

Сегодня мы вспоминаем годы президентства Эйзенхауэра¹⁷ как приятное время – потому что в знаменитой улыбке Айка мы видели маяк лучших времен. Но была тогда и темная сторона. Французы подверглись форменному истреблению в душной долине Дьенбьенфу во Французском Индокитае, который мы потом будем знать под именем Вьетнам. Дома, казалось, коммунистическая угроза растекается вокруг, хотя наши страхи и усиливала неистовая кампания сенатора Джо МакКарти. Далеко в Тихом океане, на атолле Эниветок, американские эксперты собрали 60-тонное устройство с невинным именем Майк, и на рассвете 1 ноября 1952 г. Майк – первая в мире водородная бомба – взорвался так, что огненный шар шести километров в диаметре сиял как солнце, а гигантское грибовидное облако поднялось на высоту 40 км над островом – вернее, над тем местом, где он был. Прошло совсем немного времени, и Советский Союз объявил, что у него тоже есть водородная бомба¹⁸. Так в мире наступила термоядерная эпоха, но я и не подозревал, что всего через несколько лет буду пилотировать самолет, несущий оружие такой разрушительной силы.

Если время после Великой депрессии было моей колыбелью, то Холодная война стала горном, в котором ковалась моя военная карьера. Но тогда глобальные события казались еще очень далекими, даже когда я надевал форму военных курсов и долгие часы изучал военно-морские науки и историю. И все же, лежа в постели в общежитии «фиджи» на Расселл-стрит, 640, в два часа ночи, я иногда слышал зловещее гудение бомбардировщиков В-36 Стратегического авиационного командования, ломящихся сквозь ночное небо. Мы догадывались, что они несут Большие Бомбы, и хотя эта мысль не меняла моей жизни, реальный мир уже стучался в дверь. Курсант Сернан хотел стать морским летчиком.

¹⁷ Дуайт Эйзенхауэр («Айк») был президентом США с 1953 по 1961 год.

¹⁸ «Майк» продемонстрировал возможность термоядерной реакции, но не был бомбой уже потому, что не существовало никакого средства доставки этого монстра к цели. В то же время боезаряд, испытанный в СССР в августе 1953 года, был уже вполне транспортируемым, хотя и несовершенным.

На третьем курсе флот наконец-то начал платить обещанную стипендию – царский подарок в 27 долларов в месяц – и отчасти компенсировать стоимость учебников. В конце этого года меня выдвинули в президенты сообщества «фиджи». Старшекурсникам тоже разрешалось голосовать, и пара из них не хотела, чтобы общество Фи-Гамма-Дельта в Пёрдью возглавил католик. Это был первый случай, когда меня коснулась дискриминация, но ненадолго: хотя я и проиграл, но член братства, избранный президентом, вскоре ушел из университета, и я всё равно оказался во главе.

Второй раз я столкнулся с подобным обращением, когда по оценкам и служебной характеристике мог претендовать на командную должность в учебном подразделении флота в университете. Поскольку я не был членом регулярной программы ВМС и имел «билет» только на зачисление в резерв, мне пришлось удовольствоваться должностью заместителя командира. Это снова заставило задуматься, а есть ли у меня реальный шанс попасть в летную школу. Конечно, это было очень далеко от той дискриминации, которую в этом же году запретил Верховный суд, вынесший решение об отмене сегрегации в публичных школах. Тем не менее я почувствовал, что меня дискриминируют, но это лишь сделало меня более целеустремленным.

Как и прочие курсанты из программы подготовки резерва, я должен был участвовать в боевом походе летом после третьего курса. Я приехал на поезде в Норфолк, штат Вирджиния, и нашел там ожидающий меня крейсер «Роанок» – серый гигант с орудиями такой же длины, как телефонные вышки. Я отдал салют флагу на юте, а затем дежурному офицеру, попросил разрешения подняться на борт и в первый раз почувствовал под ногами прочную стальную палубу. Вскоре я понял, что хотя корабль и кажется огромным, на нем кое-чего не хватает. На «Роаноке» не было самолетов! Да, этот крейсер станет моим домом на некоторое время, но это не тот флот, который нужен мне.

В первые дни после выхода в море меня выворачивало наизнанку. Никогда не мог вообразить, что в океане нечто столь большое, как «Роанок», может болтаться, словно пробка от бутылки. Попробуйте как-нибудь заснуть в качающемся гамаке, с бунтующим желудком, да еще если в 10 сантиметрах над вашим носом нависает изогнутое тело другого страдальца в гамаке на ярус выше. Большая часть из нас, курсантов, провела первые несколько дней у борта этого могучего военного судна, отправляя в море содержимое желудка и немало развлекая многоопытных главных старшин, которые стали вскоре нашими друзьями и наставниками.

В переходах по Карибскому морю мы посетили Пуэрто-Рико и сходили на берег в Гаване. Кубинцы в 1955 году были не слишком дружелюбны, потому что один американский моряк недавно обоссал статую их лидера, диктатора Фульхенсио Батисты, прямо под яркими огнями казино, где шла азартная игра. Тем временем далеко в горах Фидель Кастро раздувал пожар революции.

Исполняя рутинные курсантские обязанности, то есть изучая, как работает корабль «Роанок», я все время оглядывался, чтобы посмотреть, как настоящие военно-морские летчики сажают настоящие флотские самолеты на настоящий авианосец, который дымил неподалеку от нас. Не так уж много осталось, думал я и решил, что пора бы и мне подняться в небо на самолете.

После окончания похода я получил небольшой отпуск и поехал на поезде в Чикаго, а там папа купил мне билет за 14 долларов на обратный путь в Университет Пёрдью на массивном DC-3 компании Lake Central Airlines. Безусловно, мой первый полет не был тем волнующим приключением, которого я ожидал. Я сидел в тесном кресле – обычный пассажир в рутинном полете на аэроплане, который уже к этому времени считался устаревшим. Но позже один из братьев «фиджи» посадил меня в маленькую «Сесну-152», и, как только двигатель набрал обороты, а колеса оторвались от земли, я понял, что выбрал карьеру правильно. Теперь я мог смотреть через маленькое окошко на проносящиеся мимо клубы облаков, видеть тянущий нас вращающийся пропеллер и слышать его сильный, но сладкий рокот, в то время как крылья

изгибались над головой. И когда мой друг дал мне подержать руки на рычагах, впечатление было такое, будто я стал частью самолета. Пусть обычные люди останутся прикованными к далекой траве внизу, но небеса будут моими.

Когда я перешел на четвертый курс, в культуре стала чувствоваться тяга к бунту. В Монтгомери, штат Алабама, черные во главе с молодым проповедником по имени Мартин Лютер Кинг бойкотировали общественные автобусы. По всем университетам Америки группы «битников» отращивали бороды, читали стихи и вообще вели себя очень странно. В прочной основе восьмилетки Айка стали появляться волосяные трещины, но на мою жизнь они так и не повлияли. Я слишком напряженно работал и был слишком близко к моим целям, чтобы дрейфовать в каком-то ином направлении.

Занятия заканчивались, и я стал получать предложения работы с соблазнительными зарплатами – хороший инженер из Пёрдью мог рассчитывать примерно на 380 долларов в месяц. Это было неплохо для человека, который хотел стать инженером, но моя военно-морская мечта была жива и здорова.

Я стал выпускником Пёрдью 6 июня 1956 года со степенью бакалавра по электротехнике и со средним баллом 5,1 по шестибальной шкале, и был зачислен в звании энсина в резерв ВМС США. Через две недели я прибыл в Пенсаколу, штат Флорида, для службы на борту CV-48 «Сайпан» – старого угловатого авианосца, который ВМС вывели из боевого состава и передали для использования в учебных целях. Но в моих глазах этот древний корабль с плоской палубой просто сиял. Я должен был флоту три года службы – два обязательных в зачет обучения в университете и еще один, добавленный для летной подготовки.

Я влился в экипаж «Сайпана» на 18 следующих недель, чтобы в октябре получить возможность начать предварительное летное обучение. Тем временем я узнал, что те пилоты на «Сайпане», которые назначены на нелетные должности – оперативные или по обслуживанию и ремонту техники – должны летать как минимум восемь часов в месяц, чтобы получать полетные деньги, и стал напрашиваться к ним на заднее сиденье так часто, как мог. Награда не заставляла себя ждать – некоторые из этих кадровых офицеров рекомендовали мне подать рапорт о переводе на действительную службу. Я это сделал, и рапорт был принят. Тем самым я избавился от приставки «резерв» и более не воспринимался как временное лицо. Конечно, было приятно видеть надпись «ВМС США» в сочетании со своей фамилией, но это еще не обещало долгой карьеры во флоте. В то время только выпускники Военно-морской академии в Аннаполисе имели право рассчитывать на адмиральский вымпел.

Я служил офицером на корабле, и когда «Сайпан» вышел в Мексиканский залив, проводил много часов на палубе, наблюдая, как курсанты стараются сесть. Не у всех это получалось хорошо. В их кабинах сидел будущий я, и эти ребята делали то, чем я надеялся заняться в течение следующего года – подходить на винтовом Т-28 к палубе и цепляться за трос «Сайпана» хвостовым крюком. Этот год тянулся как вечность, и время шло столь же медленно, как перед Рождеством, когда я ждал его ребенком.

Я все еще слушал лекции по летным дисциплинам, когда советский премьер Никита Хрущёв обратился к Америке с издевательским обещанием «Мы вас закопаем». Но я был уже военным и офицером и воспринял этот вызов как обращенный ко мне лично. Я посмотрел в зеркало и увидел тощего, стриженного по-армейски молодого будущего летчика, в летном костюме, с эмблемой учебно-тренировочной эскадрильи, пришитой к рукаву, но ощущающего себя крутым мужиком. Я был готов запрыгнуть в самолет и показать Хрущёву пару-тройку финтов. Была, правда, одна небольшая проблема: я все еще не умел летать.

Полеты начались в январе 1957 года и оказались для меня очень простым делом. Папа объяснил мне, что такое двигатель, в Пёрдью я научился учиться, спорт дал мне навык соревнования, а на предполетной подготовке я узнал, что такое самолет. Я полностью понимал машину, на которой должен был оторваться от земли. И, не замечая этого, я наконец-то заставил свое

инженерное образование работать. Я понимал теперь, почему летают самолеты, как они звучат в различных условиях, и был достаточно внимателен, чтобы услышать, *что* те или иные системы самолета хотят сказать мне. Для некоторых других курсантов полет был эквивалентен тяжелой работе – складывалось впечатление, что они сражаются с самолетом. Некоторых отчислили с подготовки, а у других летные навыки были столь плохи, что они в конце концов разбились. Готовясь однажды к полету, я увидел настоящий кошмар – один из пилотов ударился брюхом о полосу, и его самолет взорвался. Этот пилот погиб из-за того, что забыл выпустить шасси перед посадкой.

Я же чувствовал себя в полете вполне естественно. Однажды, менее чем через месяц после того, как в январе 1957 года я начал летать и набрал уже целых 11 часов в воздухе, я осмотрел кабину и понял, что в заднем кресле моего одномоторного Т-34 нет инструктора. Пришло время вылететь самостоятельно, самому поднять машину в воздух и быть одному в ответе за нее. Я взлетел с широкой ухмылкой, желая просто затеряться в небе. Это – эйфорическое чувство, которое стоило бы испытать каждому.

Когда мы набрали по 30 часов налета, ВМС распределили обучаемых, и тех из нас, кто получил допуск к полетам на одномоторных самолетах, отправили на подготовку на базу Уайтинг-Филд. В течение шести месяцев мы летали там на Т-28, оснащенный мощным 1425-сильным двигателем, осваивая дюйм за дюймом тонкости летного ремесла: полет строем, стрельбы, навигацию в дальнем полете, причем в основном по ночам. Вот там-то мы и почувствовали в первый раз риски, с которыми сопряжена военная авиация. Время от времени случались катастрофы, было одно столкновение в воздухе, обучаемый мог не вернуться из ночного полета. Парни, с которыми ты подружился, погибали, и ты чувствовал, что или они, или их машины где-то накосычили. *Нет, со мною такого не случится.*

Проведя в кабине около 100 часов летного времени, я получил перевод на Бэррон-Филд для подготовки к авианосцу. Там мы учились приземляться в пределах палубы, нарисованной на обычной взлетно-посадочной полосе. Таким образом, если обучаемый все-таки «съезжал с палубы», он все же оставался на твердой земле. По плану после Бэррон-Филд я должен был получить допуск к полетам с авианосца и перевод в Корпус-Кристи в Техасе для углубленной подготовки, которая в конечном итоге позволит летать на реактивных машинах. Ради этого все и затевалось, это была цель, к которой я шел так долго и ради которой так серьезно тренировался.

Всего за неделю до того, как я должен был вернуться на «Сайпан», на этот раз в качестве пилота, в руки мне свалилась неожиданная возможность. Адмиралам надоело тратить миллион долларов и 18 месяцев на то, чтобы подготовить морского летчика, который должен будет прослужить всего полтора года на действительной службе, а потом сможет выйти в отставку и получить выгодную работу на гражданских авиалиниях. Поэтому из Пентагона спустили приказ, требующий от любого кандидата в морские летчики обязательства отслужить не три, а пять лет. И как будто бумажная коса прошла по рядам пилотов. Те из них, которые уже почти заработали «крылышки», внезапно оказались перед перспективой отдать службе два лишних года. Другим же, которые еще только начинали подготовку, конец пятилетней службы даже не был виден. Для некоторых это было слишком сильное обязательство. Позднее ВМС подсчитали, что потеряли почти половину своих потенциальных летчиков.

Мне, в общем-то, было все равно, потому что единственное, чего я хотел, – это летать. Я был молод и горяч, не имел ни жены, ни детей, ни дела интереснее, чем работа морского летчика, так что я сказал «да» и подписал бумаги. Многие, однако, этого не сделали, и у ВМС нарисовалась нехватка обучаемых на авиастанции Мемфис. Когда они стали искать добровольцев, я увидел в этом возможность. В минусах было то, что мне не придется выйти в море на корабле, а посадка на авианосец – это то, чем я только и хотел заниматься. Однако на этом пути можно было быстрее получить «крылышки», и я воспользовался шансом.

При нормальном развитии событий я должен был летать на винтовом Т-28 еще от шести до восьми недель в рамках углубленной подготовки, обучаясь полету по приборам и в любых метеоусловиях, а затем постепенно переходить на реактивные машины. Вместо этого уже через месяц после прибытия в Мемфис я сидел в кабине реактивного истребителя. Старый Т-33 по прозвищу «Падающая звезда» спокойно и быстро поднял меня прямо вверх, пробив облака и выйдя в чистое небо на высоте 9000 метров. Нет, переход в Теннесси был одним из лучших решений, которые я когда-либо принял.

А кроме того, всего за месяц до получения в Мемфисе «крылышек» военного летчика появился некий дополнительный импульс: то был сияющий металлический шар массой 84 кг с четырьмя длинными штырями, которые выглядели как развевающиеся за ним металлические усы. Он был запущен Советским Союзом и стал первым искусственным объектом, достигшим орбиты. Они называли его «спутник», и каждый раз, когда он проходил над нашей страной, передавая из космоса свое «би-ип, би-ип», мы понимали, что правила Холодной войны изменились. Иногда я стоял в темноте, глядя в ночное небо Теннесси, и пытался найти маленького паразита, хотя и знал, что не смогу увидеть эту слабую крапинку среди звезд. Как же они сделали это? Чтобы доказать, что спутник – не случайность, 3 ноября 1957 года СССР вывел на орбиту второй спутник с собакой Лайкой в качестве пассажира. И так, за три недели до того, как мне должны были дать «крылышки», русская дворняжка улетела дальше, выше и быстрее, чем кто бы то ни было в истории. Я никогда не думал о том, что собака может отправиться в космос, тем более человек, и уж совсем определенно – это буду не я.

22 ноября 1957 года мой отец с гордостью наблюдал, как мама приколола золотые крылья к моей синей морской форме. Это произошло всего через десять месяцев после того, как я начал летать, вместо обычных восемнадцати. Я получил приз, но игра еще не была окончена. Я стал морским летчиком, не завершив летной подготовки и ни разу не приземлившись на авианосец.

В то время как Советский Союз успешно запускал первые спутники, Соединенные Штаты пытались вступить в космическую гонку – но неудачно. Советы проводили запуски в полной тайне, мы же передавали все в прямом эфире, и на зернистом экране черно-белого телевизора первая попытка запустить на орбиту американский спутник закончилась взрывом прямо перед нашими глазами.

Успех пришел наконец после того, как мы обратились к нашим немцам. Фон Браун на протяжении многих лет говорил, что он и его команда могут запустить спутник, могут сделать это раньше русских, но соперники освистывали его. ВВС США хотели иметь контроль над любой космической программой, воспринимая ее как развитие программы авиационных испытаний на авиабазе Эдвардс. Точно так же поступали и ВМС, которые готовили свою ракету-носитель «Авангард». К сожалению, немцы работали на Армию, и победила зависть¹⁹.

Используя ракету «Юпитер С» на базе боевого изделия – близкого родственника ракеты V-2, которую они построили для Гитлера, – германские инженеры ответили на вызов. Почти через четыре месяца после того, как первый спутник преодолел космический барьер, аппарат «Эксплорер-1», чуть длиннее двух метров, несущий 5 кг научной аппаратуры и два радиопередатчика, вышел на орбиту с малоизвестного выступа флоридского побережья – мыса Канаверал. Соединенные Штаты вступили в игру.

¹⁹ Это очень упрощенное понимание природы межвидового соперничества в американской космической программе 1950-х годов. Администрация Эйзенхауэра учредила проект научного спутника, на роль которого был выбран «Авангард», главным образом для того, чтобы установить явочным порядком право пролета спутника над любыми районами Земли и затем перейти к запускам действительно необходимых в интересах национальной безопасности фоторазведывательных спутников. Руководству страны было в определенной мере безразлично, не только кому доверить этот проект, но и будет ли первый спутник запущен США или СССР. Последнее для целей легализации космической разведки было бы даже лучше.

«Ты – не более чем гончий пес!» Наверное, я прослушал новый хит Элвиса Пресли раз пятьдесят, пока ехал обратно из Мемфиса в Пенсаколу после Рождества 1957 года. Я не был согласен с Элвисом, потому что чувствовал себя чем-то большим, чем какой бы то ни было пес, даже чем Лайка, которая умерла на орбите, съев последнюю порцию еды с заложенным в нее ядом²⁰. Теперь у меня были не только «крылышки», но и благородное звание лейтенанта младшей ступени²¹, и это означало, что я больше не скромный энсин, хотя и все еще весьма к нему близок. Производство в это звание настолько автоматическое, что от него невозможно увернуться, разве что только умереть. Тем не менее я гордо носил новые знаки различия с одной серебряной полосой, когда приехал домой в Беллвуд на праздники.

Если говорить о серьезных вещах, то здоровье отца начало ухудшаться, и меня это беспокоило. Я хотел, чтобы мои родители знали: я действительно благодарен им за все, что они сделали, чтобы моя мечта исполнилась. «Я стараюсь изо всех сил, чтобы вы гордились мной, потому что я в долгу перед тобой и мамой», – писал я из Пенсаколы.

Я зафиксировался в кресле одноместной «пантеры» F-9F, заслуженной машины времен Корейской войны, с заплатками на местах старых пробоин, и в первый раз взялся за рычаги управления странного самолета, у которого сзади не было второго сиденья. Они выдали мне самолет и руководство о том, как на нем летать, да еще немного инструкций в классе, а затем отошли в сторону и сказали: «О'кей, теперь он твой». Вот теперь я понимал, что прибыл служить летчиком. Я достиг нового уровня, и хотя я все еще ни разу не сел на авианосец, этот момент становился всё ближе.

Давно прошли те дни, когда передо мной рычал пропеллер T-28, и я ощущал медленные движения учебного самолета. «Пантера» была настоящим реактивным истребителем, и меня удивляло, насколько тихая это машина. Завывающий двигатель стоял далеко позади, и лишь приглушенный шепот его проникал в мой летный шлем. Эта прилизанная машина темно-синей окраски реагировала на малейшее прикосновение и двигалась так, как будто была частью меня самого. Кабина находилась в самом носу самолета и давала мне ощущение скольжения по небу. Я обнаружил, что могу использовать для управления мягкие движения пальцами, не зная, насколько важным будет это чувство инстинктивного полета, когда я окажусь на вершине ракеты «Сатурн V» или при посадке лунного модуля на Луну. Тогда главное ощущение состояло в том, что я лечу на острие весьма смертоносной стрелы.

Опасность всегда присутствует в такой профессии, не прощающей ошибок, и даже в ходе углубленной подготовки некоторые молодые пилоты погибли, пытаясь покорить как раз такую породу металлических птиц, на которых теперь летал я. Но я не позволил себе беспокоиться по этому поводу, потому что был уверен, что справлюсь. Аварии случались исключительно с другими людьми, и обычно потому, что они сделали какую-то глупость. Черт возьми, на самом деле мы все совершали ошибки, просто некоторым повезло больше, чем другим.

На моей репутации не было никаких пятен аккурат до последнего полета в учебной программе. За каждый вылет ставилась отметка, и плохая работа оценивалась словом «сбит», но с возможностью повторить задание еще раз. С самого первого раза, когда я залез в кабину, я никогда не был даже близко к провалу. Это оставалось уделом других, более смертных, по крайней мере, я так думал. Однако все изменилось в последнем полете, когда четверо обучаемых, в том числе некий Сернан, вылетели на «пантерах» на самые обычные стрельбы. Нашей целью был длинный баннер, который тянул за собой другой самолет. Мы много воображали о себе, и потому решили расстрелять этого ублюдка на лоскуты, и излохматили длинную полосу рекордным образом. Мы налетали сверху, снизу и из-за самолета инструктора, который тянул

²⁰ Лайка умерла через несколько часов после старта от перегрева.

²¹ В американском флоте три ранга младших офицеров – энсин, лейтенант младшей ступени и лейтенант. Им соответствуют четыре звания в российском флоте – младший лейтенант, лейтенант, старший лейтенант и капитан-лейтенант, причем по окончании военного училища присваивается звание лейтенанта.

баннер, отстреливались настоящими снарядами и заставляли его подпрыгивать всерьез. Он был морским пехотинцем, напрочь лишенным чувства юмора, и наша выдающаяся работа его не впечатлила. Он выставил нам всем провальную оценку и приказал повторить упражнение на следующий день, что позволило нам вновь покувыркаться в небе. На этот раз мы были более вежливы, чтобы не огорчить инструктора вновь.

Я выпустился третьим в группе, и ВМС предоставили мне выбор вида и места службы. Я выбрал одномоторный штурмовик, потому что хотел летать низко и быстро и сбрасывать бомбы на цель, и Западное побережье США, потому что боевые походы в экзотические страны Азии выглядели привлекательно.

В феврале 1958 года я закинул пожитки в кузов своего «шевроле» с открытым верхом, настроил приемник на какой-то рок-н-ролл и отправился через всю страну в Сан-Диего, где располагалась авиастан-ция ВМС Мирамар, истребительная столица США. Будущим поколениям это место станет известно по имени из двух слов: Top Gun²². По прибытии, посмотрев, как истребители и штурмовики ВМС поднимаются в ослепительно яркое сияние калифорнийского солнца или кружат над посадочной полосой, я понял, что, пожалуй, не смогу стать здесь королем неба. А поскольку я был бесправным новичком, мне досталось скучное место дежурного офицера эскадрильи – хозяйственная должность, обладатель которой отвечает на телефонные звонки, перекладывает бумажки и следит за тем, чтобы на остальных не упала крыша. В первый день моего дежурства это едва не случилось: прогремело первое в моей жизни землетрясение, которое встряхнуло ангар, заставило полосу пойти волнами и напугало до ужаса дежурного офицера эскадрильи. Это был знак будущего – предупреждение о том, что моя жизнь не будет простой. Господь как бы сказал таким способом: «Добро пожаловать в реальный мир, цыпленок».

²² Так назывался знаменитый фильм 1986 года о школе вооружений ВМС США, в русском переводе – «Лучший стрелок».

5

Ангелы-альбиносы

Итак, я – «крепкий орешек», я раскалываю небо Калифорнии на скорости 930 км/час на высоте всего 15 метров над ящерицами и кактусами плоской пустыни, полностью сосредоточенный на том, чтобы отправить точно в цель ядерную бомбу, подвешенную к брюху моего FJ-4B «Фьюри», что означает «ярость». Я должен подойти к контрольной точке на 550 км/час, набрать скорость 930 км/час и потянуть ручку на себя, и тогда четырехкратная тяжесть вдавит меня в кресло, размажет в блин и будет играть в жмурки с моими глазами. Я лечу строго вверх по так называемой «петле идиота», нажимаю кнопку и сбрасываю бомбу. Теперь разворачиваю «фьюри» на снижение и вдавливаю педаль газа в самое днище, заставляя самолет двигаться быстрее, чем могли себе представить его конструкторы. Я прижимаюсь к земле и жарю от того места, где бомба проходит вершину параболы и начинает свое смертельное падение на землю. Теперь мое дело – обогнать ударную волну и ослепляющий свет близкого ядерного взрыва, кольца невероятной силы, которые могут вытряхнуть меня из небес. Получится или нет? Кто знает... Слава богу, мне не пришлось это выяснить на практике.

Такова была жизнь пилота-штурмовика во время Холодной войны. В этот конкретный день, когда я несся сквозь чистую синеву Южной Калифорнии, предстоял лишь учебный сброс, бомба была макетом, а путь к «яблочку» отмечали деревянные вешки сечением 5×5 сантиметров, вбитые среди камней и песка. Каждая из них была менее четырех метров в высоту и вкопана на полметра с лишним, так что лишь три метра торчали над поверхностью. Отправляясь на сброс, я спускался до высоты бегущего сурка, чтобы улучшить точность попадания, а если бы это была реальная атака – избежать обнаружения радаром. Если они не увидят меня, они не смогут меня сбить. Я летел так низко, что, когда появлялась очередная вешка, я приподнимал самолет, чтобы пройти над ней, как бегун на дистанции с барьерами. Забавно, но слегка глупо. Лишь ребенок, только что дорвавшийся до летной подготовки, будет делать это.

Реактивный самолет – это чистая, плавная скорость. Поверхность усвистывает назад неясными коричневыми пятнами, а я смотрю за приборами и отрабатываю встряхивающие порывы ветра. Хряп! Толчок! Моя «фьюри», несущаяся на 930 км/час, сносит верхний фут одной из вешек. Я чувствую удар и знаю, что что-то задел, но самолет продолжает лететь и ни один из предупредительных сигналов не мигает. Я поднимаюсь на безопасную высоту и разворачиваюсь, чтобы приземлиться в Эль-Сентро, где мурлыкающая «ярость» благополучно опускает меня на землю.

Наземная команда и другие пилоты подходят к машине, пока я освобождаюсь от ремней и выбираюсь с видом полного безразличия, и в изумлении качают головами. В носу выемка перед стволом одной из пушек аккуратно забита куском деревяшки – забита настолько плотно, как будто вешку специально выпилили под форму отверстия. По правой стороне тянется разрез от носа до крыла, металлические панели отошли и болтаются, и из-под них сыплются мелкие опилки.

На 15 сантиметров в сторону – и эта вешка вошла бы в воздухозаборник моего двигателя, что закончилось бы взрывом и катастрофой. Это была как раз такая штука, которая может случиться с другими пилотами, но не со мной. Мне не потребовалось много времени, чтобы понять, что я сделал нечто действительно глупое и вполне мог сейчас лежать мертвым в пустыне под кучей горящих обломков. Ошибку сделать можно, но глупости недопустимы.

Друзья по эскадрилье утащили меня в офицерский клуб, чтобы как следует выпить, и вручили мне грубо исполненный багряный вымпел с надписью: «Орден гнутой вешки – вручается только живущим, низко летающим летчикам». Разумеется, я посмеялся над этим, потому

что по неписанным летным законам не должен был показывать, что мне страшно. За прошедшие месяцы я убедил себя, что я неуязвим и невидим и что пули меня не берут. Я остался горячим летуном, но с этого дня относился с особым уважением к своей опасной профессии.

Сан-Диего, 1958 год. Я в небе. Острая мексиканская пища, холодная сервеза, сёрфинг и бронзовые калифорнийские девушки. «Ну да, бэби, я летаю на реактивных». Им не обязательно знать, что я всего лишь цыпленок, новичок, который только что едва не угробил свою задницу.

Я прибыл на авиастанцию ВМС Мирамар, все еще не имея на счету посадки на авианосец. Это странное положение удалось исправить, когда я получил назначение в 126-ю штурмовую эскадрилью, позывной «Крепкие орешки»²³. После того, как я потренировался на полосах с нарисованным контуром палубы, они посадили меня в А-4 «Скайхок» и приказали перелететь на «Рейнджер» – третий из построенных суперавианосцев, на наклонной палубе которого было много места. Черт, но почему этот CVA-61 из моей кабины кажется таким маленьким? И почему он все время уклоняется то туда, то сюда? Как может огромный корабль на тихой воде болтаться как детская игрушка?

При первом заходе корабль, казалось, провалился во впадину между волнами. Я настроился на голос офицера, управляющего посадкой, я впился глазами в светящийся танцующий шарик – индикатор, который показывал скорость снижения, и убрал газ почти до сваливания. Внезапно подо мной вспыхнула палуба «Рейнджера», хвостовой крюк зацепил за трос, и я врубил газ на полную. «Скайхок» остановился резким неровным шлепком, явно злясь на то, что ему дали команду лететь, и в то же время его держит стальной трос. Меня же швырнуло вперед на ремни с такой силой, что клацнули зубы, потому что переход от 230 км/час к нулевой скорости был почти мгновенным. *Хорошо, Сернан, теперь взлетайте и проделайте это еще одиннадцать раз.*

Меня освободили от троса, и я покатился вперед. Палубная команда установила самолет на паровой катапульте, и я салютовал ее офицеру, по традиции показывая, что пилот готов к взлету. От мощного удара моя голова дернулась назад – катапульта вернула меня к скорости 230 км/час, и «Рейнджер» внезапно оказался позади. К концу этого дня, состоявшего из взлетов и посадок на корабль, я получил допуск к полетам с авианосца и теперь уже мог держать голову с должной гордостью. Теперь я действительно стал морским летчиком. *Эй, бэби, я летаю на реактивных.*

Я был так погружен в собственную реальность на Мирамаре, что почти не замечал, как ускоряется гонка космических спутников. Старты ракет стали уже обычным делом.

В октябре 1958 года у Национального консультативного комитета по аэронавтике, который сокращенно назывался НАСА, изменились инициалы и суть – родилось новое Национальное управление по аэронавтике и космосу, то есть NASA. Месяцем позже я получил новое назначение в 113-ю штурмовую эскадрилью, позывной «Стингеры», – часть 11-й авиагруппы, базирующуюся на авианосце «Шангри-Ла». Мне предстояло летать на «скайхоках» – ярких одномоторных штурмовиках, которые мы между собой называли «скутерами». Единственное их назначение состояло в том, чтобы сбрасывать бомбы и обстреливать противника ракетами.

Я отправился в первый боевой поход в западную часть Тихого океана в марте 1959 года на корабле, загруженном тысячами людей и более чем 50 самолетами, чтобы принять участие в патрулировании мира, в котором происходили тревожные события. Около пяти тысяч американских морских пехотинцев отправились в Ливан, чтобы поддержать избранное правительство; повстанцы, возглавляемые Фиделем Кастро, взяли Гавану, а в разделенном Вьетнаме разгоралась партизанская война.

²³ Tough Guys.

Мы отправились в море как воины Холодной войны, чтобы отточить наши смертоносные умения и показать флаг, почти как старые американские канонерки делали это на реках Китая. В Тайваньском проливе, двигаясь параллельно китайскому берегу, мы часто встречали звенья китайских «МиГов», летящих в противоположном направлении. Они проходили так близко, что мы могли видеть китайских летчиков. Все мы были вооружены до зубов и готовы к бою.

Несколько лет назад, в уже совсем другом политическом климате, я в первый раз прилетел в Шанхай на борту коммерческого пассажирского лайнера и приземлился на военном аэродроме. Я смотрел в окно во время захода на посадку и узнавал некоторые детали. Я уже видел эти места! Я понял, что мы приземлились как раз на один из тех объектов, который был моей целью в те скверные ядерные дни.

Попав впервые в кают-компанию «Шангри-Ла», я огляделся. На борту было несколько эскадрилий летчиков, пилотирующих самолеты с такими именами, как «демоны», «кугуары», «тигры», «небесные воины», «небесные ястребы» и «небесные рейдеры». От 15 до 18 летчиков в каждой эскадрилье, лучшие из лучших по части ручки и руля, и все мы знали, что некоторым не удастся вернуться в порт. У кого-то может отказать катапультирующее кресло, а у кого-то не выдаст необходимый толчок стартовая катапульта, и летчик вместе с самолетом ухнет в воду перед авианосцем, а кто-то просто воткнется в гору или упадет в море. Нельзя считать себя в безопасности, пока ты не приземлился на авианосец, не заехал в лифт, не спустился в ангар и не вылез наконец из самолета.

Там, в Тихом океане, текла обычная военная жизнь. С каждым днем я набирался опыта, летая над открытым морем и благополучно возвращаясь на корабль. Вариантов было два: приземлиться или упасть в море, а падение обычно заканчивалось тихой поминальной службой на летной палубе, причем зачастую не удавалось найти даже тело. Нашу работу слегка осложнял тот факт, что «Шангри-Ла» не относился к тому виду суперавианосцев, что большой и толстый «Рейнджер». Он принадлежал к классу 27С и был перестроенным авианосцем, у которого исходно плоскую палубу заменили на усеченную и ориентированную под углом. Посадочная зона была короче футбольного поля²⁴ и в плохую погоду выглядела микроскопической, а ночью почти не была видна. Оставалось задержать дыхание и следить за указателем.

Вместе со мной на «Шанге» оказались Скип Фёрлонг и Фред Болдуин, товарищи по эскадрилье в Мирамаре, и мы крепко сдружились. Мы разделяли опасности службы на авианосце, мы пили пылающие коктейли и наводили шорох в портах назначения от Токио до Сингапура и в других излюбленных местах Седьмого флота.

Одной из причиной моей столь высокой уверенности в себе было то, что некоторых из нас учил, как на самом деле надо летать, сам Зик Кормиер. Не просто как пилотировать самолет, а как нести наши могучие «скайхоки» в воздухе и разрисовывать небеса яркими картинами фигур высшего пилотажа.

Зик был назначен руководителем авиагруппы на «Шанге» после службы командиром легендарной флотской пилотажной группы «Синие ангелы». Внешне этот красивый итальянский мачо выглядел так, будто сошел с рекламного плаката. Он хотел большего, чем просто выполнять тренировочные полеты, а потому собрал троих «цыплят», которые не могли себе представить ничего лучше, чем летать с Зиком, и создал группу «Ангелы-альбиносы». Зик был ведущим, я шел с одной стороны, Болди с другой, а Дик Вебер, который получил прозвище Призрак, потому что был бледный и тощий, замыкал строй. Зик научил нас вычурным движениям, и вскоре мы демонстрировали полет тесным строем по всей Азии. Поначалу флоту это понравилось, но в конечном итоге нам приказали сменить имя, чтобы нас не путали с «Синими ангелами». После этого мы проводили пилотаж под флагом нашей эскадрильи «стингеров», и запросов на выступления было больше, чем мы могли выполнить.

²⁴ 120 ярдов, то есть примерно 110 метров.

Летать за крылом Зика оказалось легко, потому что он был одним из самых аккуратных пилотов, когда-либо рожденных на свет. Никаких резких бросков, ни одного лишнего рывка, все гладко как зеркало, и когда я пристраивался за его крылом, я даже не знал, лечу ли я вверх ногами или правым бортом к земле. Если бы он воткнулся в воду, выходя из мертвой петли, мы все сделали бы то же самое все тем же четким строем. Он мог провести нас через игольное ушко – и иногда делал это, выпуская цветные дымы и заставляя зрителей спрашивать себя, действительно ли мы так хороши, или же просто безумны.

В свой двадцать девятый день рождения я встал рано утром и атаковал Гавайские острова. «Шанг» участвовал в отработке оперативной готовности по сценарию с вторжением в наш новый 50-й штат, и четверых «стингеров» подняли из маленьких кают в полчетвертого утра, чтобы в шесть мы вылетели на задание. Было холодно до дрожи, когда я ушел в полную черноту, не видя далекого горизонта. Потом наступил кристально чистый рассвет, я сбросил свои макетные бомбы на небольшой необитаемый остров, который был назначен в качестве цели, и, имея на борту солидный остаток топлива, полетел домой над сочной зеленью островов – воздушный турист на многомиллионной машине, – разглядывая чистые пляжи и бирюзовую воду. Но комок подступил к горлу, когда я оставил позади остров Форд и старую стоянку линкоров, на которую пришлось острие японской атаки в декабре 1941 года. Треть «Юты» все еще торчала над водой, и можно было увидеть неизменное пятно масла, сочащегося из несчастной «Аризоны», которая затонула с экипажем из 2000 человек. Это была история, но история, состоявшаяся уже на моем веку, напоминание об ужасах настоящей войны.

В космосе тем временем происходили интересные вещи, и они наконец-то стали достаточно значимы для того, чтобы попасть на мой личный радар. В сентябре 1959 года Советы запустили «Луну-2» – снаряд массой 390 кг, который ударился об Луну с такой силой, что выбил кратер 25 метров в диаметре. Грубо, но эффективно – это был первый сделанный человеком объект, который достиг лунной поверхности. Уже в следующем месяце они провели «Луну-3» по траектории вокруг Луны, чтобы сфотографировать ее обратную, неизвестную сторону. Нас удивили снова, потому что это был уже не просто баскетбольный мяч типа первого спутника, а весьма сложная техника, которая начала зондировать Вселенную вокруг нас, и на ней были написаны русские буквы.

Соединенные Штаты уравнивали положение тем, что объявили 2 апреля 1959 г. группу из семи американских пилотов, которые станут астронавтами проекта «Меркурий»: Джон Гленн, Гас Гриссом, Скотт Карпентер, Гордон Купер, Дик Слейтон, Алан Шепард и Уолли Ширра. Каждый военный летчик в Америке хотел бы, чтобы его имя было в этом маленьком списке, куда вошли четверо флотских авиаторов (один из них из Морской пехоты) и трое пилотов ВВС. Этим ребятам предстояло поднять нас в космос.

Я был поражен этим назначением. Как стать астронавтом? Для начала – а кто такой астронавт, черт побери? Из газетных статей следовало, что претендент должен: быть выпускником школы летчиков-испытателей и иметь двухлетний опыт работы летчиком-испытателем, освоить по меньшей мере 20 типов самолетов и набрать не менее 1500 часов на реактивных машинах. При этом не старше 40 лет по состоянию на 31 декабря 1959 года, ростом не больше 181 сантиметра, весом не больше 80 кг. Наконец, претендент должен был иметь степень бакалавра в области техники или аналогичную.

Из всех этих требований я соответствовал только двум – мне не было 40 лет и я имел подходящую степень. Однако это еще не тот материал, из которого можно скроить астронавта. Первая семерка состояла из умудренных летчиков-испытателей, чья квалификация была намного выше, чем мои скромные на тот момент достижения. Да, это было интересно, но я подумал, что к моменту, когда заработаю все перечисленные характеристики, освоение космоса уже закончится. С другой стороны, я пришел в ВМС, чтобы летать, и идея подняться в

космос на ракетном корабле мне нравилась. Так новая мечта зародилась в моей коротко стриженной голове.

«Шангри-Ла» вернулся в Сан-Диего во второй день октября 1959 года и встал у Северного острова, а авиагруппа перелетела на Мирамар. Моей эскадрилье предстояло сменить корабль базирования. «Шанг» переводили на Восточное побережье, и наша авиагруппа перешла на «Хэнкок», известный среди моряков под именем «Ханна-Мару». Но до этого предстоял отпуск на берегу, чтобы снять на какое-то время напряжение военной службы, и я решил отправиться на Рождество домой. Я стоял в очереди за билетами в Международном аэропорту Лос-Анджелеса сразу за яркой молодой блондинкой, одетой в зеленовато-голубую, с красной шапочкой, форму стюардессы компании Continental Airlines. Черт, а она хорошенькая, подумал я, расправляя плечи и приглаживая свою форму. Увы, прежде чем я успел сказать ей, что я неуязвим, невидим и пули меня не берут, она получила билеты и, даже не оглянувшись, ушла, а я остался получать билеты на Чикаго, в другую сторону. К счастью, я подслушал ее разговор с клерком – она брала билеты себе и подруге и произнесла по буквам свою фамилию: Этчли. В своем самолете той же компании Continental я спросил у стюардессы, знакома ли она с коллегой по имени мисс Этчли. Оказалось, да, и я узнал, что мою таинственную девушку зовут Барбара.

Теперь у меня было боевое задание, не имеющее отношения к флоту. Я позвонил в Continental, но авиакомпания отказалась предоставить какую-либо информацию о своей сотруднице.

Двумя неделями позже я прилетел в Пасадену, чтобы повидать старого друга, с которым делил комнату в Пёрдью – Билла Смита, и его великолепную, с каштановыми волосами, жену Люси. «Смитти, – провозгласил я, как только он открыл дверь, – я влюблен!» Он закатил глаза, потому что слышал это от меня уже очень много раз. «Ага, разумеется, – ответил он. – Входи».

Я присел на кушетку и, к изумлению Люси, описал свои поиски возлюбленной Барбары Этчли. Билл устал слушать и потащил меня вниз, чтобы осмотреть его «тандерберд» 1955 года, который попал в аварию. И вот когда мы говорили о машинах, Люси внезапно распахнула окно и прокричала: «Джино, Джино, у меня Барбара на телефоне!» Я уставился на Смитти, тот на меня, и мы оба уставились на сияющую Люси. Как оказалось, она позвонила в авиакомпанию и наврала им с три короба, придумав феерическую и печальную историю давно потерянного друга из родного города, которому нужно во что бы то ни стало и немедленно переговорить с Барбарой. Ошеломленные сотрудники Continental позвали озадаченную Барбару, она позвонила Люси, та призналась в хитрости и убедила ее поговорить со мной. Я отхлебнул пива для храбрости и помчался наверх, не зная, что я, собственно, собираюсь сказать, и, когда Люси передала мне трубку, я нервничал так, как будто пытался сесть на авианосец в шторм. Какие-то слова поспешно изливались из меня, но она не повесила трубку и в конце концов согласилась встретиться со мной. «Какой шикарный блеф», – произнесла, ухмыляясь, Люси.

Барбара вспоминает, что, когда я подъезжал на своей машине с откидным верхом по склону к ее дому в Редондо-Бич, опаздывая на первое свидание, у меня взревел глушитель, и она подумала: «О боже, да он гонщик».

Одного лишь взгляда на эту эффектную техасскую блондинку мне хватило, чтобы почувствовать, что пора повзрослеть. Рядом были ее мама Джеки Мей Этчли и младший брат, и у меня возникло ощущение, будто я попал в новую семью. На нашем первом обеде, где присутствовали также Люси и Смитти, Барбара в первый раз в жизни попробовала мартини и поведала мне о своей жизни. Она родилась в Корпус-Кристи, но в возрасте двух месяцев переехала в Бейтаун возле Хьюстона, в котором окончила среднюю школу имени Роберта Ли. Она работала секретаршей, а в июне 1959 года стала стюардессой компании Continental и переехала в Калифорнию. Один из ее обычных маршрутов был в Чикаго, что позволило мне рассказать о своей семье и жизни. Не слишком много времени оставалось до того, как Барбара встретится

после такого полета с моей семьей и немедленно понравится моим родителям. «Сын, – заметил мой мудрый отец, – эта женщина надежна, как кирпичный сортир».

Мой сосед по комнате Фред Болдуин начал ухаживать за соседкой Барбары, которую тоже звали Джеки, и вскоре наша четверка стала покрывать 200 км по шоссе между Сан-Диего и Редондо-Бич почти каждые выходные. В 1960 году Болди и Джеки поженились в тайне, нарушив правило авиакомпании, по которому стюардесса не должна была выходить замуж. Когда фирма узнала об этом, ее уволили, и строгий начальник потребовал от Барбары ответить, не замужем ли и она тоже. Нет, твердо сказала она. Пока нет.

К 9 июня 1960 года, когда «Ханна-Мару» вышла в море, отправившись в поход в западную часть Тихого океана, мы с Барбарой были серьезно влюблены. Однако вмешалась работа, как это обычно и бывает у моряков, и я ушел в поход на лучшую часть года, нося две равные по ширине полосы (в обиходе – «железная дорога») свежее испеченного лейтенанта. Я уверенно управлял своим самолетом и мог подшучивать в кают-компаниях над новыми «цыплятами».

Зик убыл к другому месту службы, так что оставшиеся пилоты группы «стингеров» выбрали другого командира звена и продолжили устраивать воздушный цирк над странами Азии во время, свободное от полетов по заданию. Наше стремление к точности движений имело также отдельную и очень серьезную цель: отточить мастерство, чтобы лучше выполнить свой настоящий воинский долг – в том случае, если мы однажды утром выйдем на палубу и увидим, что наши «скутеры» стоят на колесах, похожих на ноги, а одетые в красное техники по вооружению подвешивают большие ядерные бомбы под фюзеляжи. Иногда в рамках проверки готовности мы действительно вылетали с большой серебряной бомбой, правда, без запала. Те, Кому Положено хотели, чтобы мы принимали ее без напряжения – на тот случай, когда придется делать всё по-настоящему.

Ядерные боеприпасы были тогда настолько тяжелы, что А-4 не мог поднять в воздух ничего, кроме самой бомбы. Взяв на борт полную заправку помимо бомбы, я должен был использовать самую мощную катапульту, чтобы подняться с палубы. Когда одну из этих бомб подвесят под моим самолетом, цена покера будет в самом деле очень велика. А-4 был аккуратно спроектированным небольшим самолетом, который строили как раз для доставки этого ужасного оружия к цели. Для пилота – то есть для меня – это, скорее всего, стало бы полетом в один конец, потому что предстояло нацеливаться в острие ядерного копья, которое уже не сможет полететь назад.

Такие мысли придавили меня особенно сильно, когда в Японии я получил отпуск на берег и посетил Хиросиму и Нагасаки – два города, по которым было применено ядерное оружие. В их безмятежных парках стояла тишина, воздвигнутые в память о бомбардировках монументы были украшены цветными цепочками бумажных журавликов – японцы считают их священными птицами. Школьники, которые складывали эти фигурки, роились вокруг меня и приветственно пищали, не зная, кто я – потому что я был в гражданской одежде. Глядя на восстановленные города и на стайки счастливых детей, я задумался о тяжелой ответственности, которую я несу, и о том, к чему мое правительство призывает меня быть готовым.

Катастрофа казалась в эти дни пугающе близкой, и мы проделывали наши упражнения не ради красоты. В тот месяц, когда мы вышли в море, над Советским Союзом был сбит шпионский самолет U-2, а его пилот Фрэнсис Гэри Пауэрс попал в плен²⁵. Хрущёв, как всегда агрессивный, использовал этот инцидент, чтобы унижить президента Эйзенхауэра во время Парижской встречи в верхах. Конференция по разоружению в Женеве провалилась, и на «горячей» границе между Западным и Восточным Берлином вспыхнули новые конфликты.

Я покинул Нагасаки и Хиросиму, встревоженный масштабами разрушений и думая о том, каково было жить в этих городах пятнадцатью годами раньше. Однако я уехал в твердой

²⁵ Это произошло 1 мая 1960 г.

уверенности – большей, чем когда-либо, – что я не хочу, чтобы нечто подобное произошло когда-нибудь с Нью-Йорком, Чикаго, Беллвудом или любым другим американским городом. Поэтому я и принимаю стратегию массированного возмездия, которая провозгласила, что на любую ядерную атаку против США будет дан равный, а возможно, и более сильный ответ. В моей душе не было сомнений в том, что если эта Последняя война придет, когда я буду на авианосце, то я выполню свой боевой вылет.

Кому-то придется сбрасывать Большую Бомбу, и этим кем-то буду я.

Барбара писала мне каждый день, и точно так же у меня всегда был пакет, чтобы отправить ей. Я вкладывал свои чувства в записи на пленке, которые можно было пересылать почтой. Когда такие пленки приходили от нее, ее голос служил мне утешением, и я считал дни до окончания похода. Моих родителей беспокоило, что она не католичка, но Барбара согласилась поменять веру.

С религией случился необычный поворот: в ноябре 1960 года, пока я еще был в море, Джон Кеннеди, молодой сенатор из Бостона, использовав новое оружие в виде телевизионных дебатов, вырвал победу у Ричарда Никсона и стал первым католиком – президентом Соединенных Штатов. Что же касается Высокой границы, как мы называли космос, то русские увеличили размеры своего зверинца, отправив на орбиту двух собак и шесть крыс на борту «Спутника-5»²⁶. Соединенные Штаты запустили первый успешный метеоспутник и первый спутник-шпион с камерой на борту. Подобные технические чудеса поражали воображение.

Дедушка Сернан, который жил один после смерти бабушки, упал на землю, ремонтируя крышу дома, и умер в возрасте 75 лет. Электричество при нем так и не провели.

Когда в марте 1961 года мой второй поход в Тихий океан закончился, я был готов к некоторой доле мира и стабильности. Я хотел дать возможность кому-нибудь еще пожить немного на острие ядерной бритвы. А еще я был готов просить мисс Барбару Этчли стать моей женой.

²⁶ Такого названия в действительности не существовало. Объект, запущенный 19 августа 1960 года, был объявлен как «второй космический корабль-спутник».

6

Два Шепарда

Ярким субботним днем 6 мая 1961 года нас с Барбарой обвенчали в маленькой часовне в Мирамаре. И невеста, и жених были в белом. У нее была летящая вуаль поверх платья, на мне – парадная форма с блестящими медными пуговицами и золотыми крыльями. Когда мы шли от часовни под аркой из сабель, которые держали в руках мои флотские товарищи, она внимательно следила за Болди, потому что тот грозился шлепнуть ее своим сверкающим клинком.

За день до венчания военно-морской летчик с квадратной челюстью и короткой стрижкой, имя которого было Алан Шепард, на мысе Канаверал во Флориде втиснулся в невероятно тесный космический корабль «Меркурий», дождался конца отсчета, который то запускался, то останавливался, – причем он ждал так долго, что вынужден был налить в штаны, – и наконец стартовал в 15-минутный суборбитальный полет.

В последний день января NASA отправило по такой же суборбитальной траектории шимпанзе Хэма, но прошло всего два месяца, и советский космонавт Юрий Гагарин, зафиксировавшись в кресле космического корабля «Восток», похожего на пушечное ядро²⁷, стартовал с Земли и стал первым человеком в космосе, сделав один виток по орбите за 108 минут. Спутник снова победил.

Через неделю после исторического полета Гагарина закончился пшиком затеянный ЦРУ заговор. Плохо подготовленная группа кубинских эмигрантов, напрасно ожидавшая американской поддержки, высадилась на любимом месте рыбалки Фиделя Кастро, известном как залив Свиней, где их и перебили. Еще через две недели активисты, выступающие за гражданские права, выехали на автобусах на Юг, чтобы протестовать против расовой дискриминации в Америке, и были встречены насилием невероятных масштабов. Беспорядки, казалось, окружают нас. Но тут полетел Шепард, и мрачные заголовки за одну ночь сменились радостными. Теперь у нас тоже был астронавт, который поднялся в космос, и всё остальное как будто угасло в сиянии его успеха. «Большой Ал» вновь заставил американцев думать хорошо о себе и о своем будущем.

Стараясь удержать в памяти тысячу вещей, которые нужно сделать перед венчанием, я все же не мог оторваться от телевизионного экрана, мысленно помещая себя в эту маленькую капсулу и пытаюсь представить бурный, ревущий полет Алана Шепарда. Если бы кто-нибудь в этот момент похлопал меня по плечу и сказал, что, когда Алан в следующий раз полетит в космос, его дублером будет астронавт-ветеран по имени Джин Сернан, который уже имеет на счету два полета, причем один из них к Луне, я бы громко рассмеялся. Я горжусь тем, что этот настоящий герой стал мне другом на всю жизнь.

После венчания и приема в офицерском клубе «Адмирал Кидд» мы с Барбарой провели медовый месяц в Мексике. Мы прилетели на кукурузнике из Тихуаны в Мехико, чтобы сэкономить несколько баксов, которые тут же спустили на бутылку текилы. Прибыв в отель, мы обнаружили, что в нашем номере две отдельные кровати. Нет, так не пойдет. Я тут же позвонил дежурному, и через несколько секунд прибежал коридорный. Он широко улыбнулся, сдвинул две кровати вместе и сказал: «Теперь одна», учтиво поклонился и взмахнул рукой.

Потом у нас была пугающая автобусная поездка в Акапулько по узкой, извилистой дороге. Мы сели на переднее сиденье, чтобы быть подальше от кур, которых везли другие пассажиры, и с ужасом взирали на то, как водитель размахивал руками и пытался флиртовать с

²⁷ Сферическую форму имел только спускаемый аппарат корабля, в котором Гагарин вернулся с орбиты и из которого катапультировался на высоте 7 км.

каждой женщиной, мимо которой проезжал, одновременно норовя задавить скотину, людей и встречные машины на узкой дороге через перевал. Всё же мы как-то сумели пережить этот медовый месяц.

Вернувшись в Калифорнию, мы устроили свой дом в половине арендованного коттеджа на две семьи в Дель-Маре, который Барбара называла «маленьким кукольным домиком». Он стоял прямо на обрыве, давая превосходный вид на Тихий океан, и каждый вечер золотой закат затекал прямо в нашу комнату. Хозяйку, которая жила в другой половине, звали Клара Кук. Она приняла нас под свое крыло и стала кем-то вроде бабушки.

Вскоре после нашего возвращения президент Кеннеди, в обиходе JFK, произнес речь, которую транслировали все национальные телеканалы. Она дала цель всей стране и потрясла пилотов, подобных мне, до самых летных ботинок. Всего через три недели после того, как Шепард совершил 15-минутный полет, JFK объявил, что для Америки настало время предпринять в космосе более значимые шаги.

«Я верю, что наша страна должна поставить себе цель до конца этого десятилетия высадить человека на Луну и благополучно вернуть его на Землю, – сказал Кеннеди американцам. – Мы выбираем полет на Луну в этом десятилетии... не потому что это будет легко, а потому что это будет сложно, потому что эта цель позволит организовать и направить самое лучшее в нашей энергии и наших способностях; потому что этот вызов – то, что мы хотим принять и не хотим отсрочить, и это соревнование мы намерены выиграть». Весьма смелые слова, если учесть, что наш опыт пилотируемых космических полетов был еще очень мал. В заявлении не прозвучало слово «наука», и этот факт впоследствии оказался очень важным в моей карьере. Но одно могу сказать точно – это обещание JFK изменило мою жизнь.

Мне предстояло принять важное карьерное решение. Обязательный пятилетний срок службы подходил к концу, так что был шанс, что я распрощаюсь с флотом насовсем. В день инаугурации Кеннеди бросил в массы волнующие слова: «Не спрашивай, что твоя страна может сделать для тебя, – спрашивай, что ты можешь сделать для своей страны». Положим, я уже немало сделал для страны и собирался сделать еще, но можно было и спросить: «А что именно и как долго?»

В этот момент ВМС выдвинули великолепное предложение. Я могу поступить в Военно-морской университет в Монтерее, в Калифорнии, и получить после двух лет учебы магистерскую степень, а затем остаться еще и на третий год в одном из крупных университетов. И всё это время я смогу летать! Да, не на боевых машинах с самыми высокими характеристиками, которые превратили меня в летчика-сорвиголову, но все же на реактивных, и я смогу набирать восемь часов минимального налета в месяц, чтобы продолжать получать летные деньги. Они хотели затем два года службы за каждый год учебы, то есть я должен был оставаться во флоте еще шесть лет. Если добавить те пять, что я уже здесь, получалось по крайней мере одиннадцать лет выслуги. Тогда можно будет подумать о том, чтобы так и остаться офицером флота. Я всегда считал, что ставить надо такие цели, которых я могу достичь, что у меня должны быть непростые, но разумные пятилетние планы, и это предложение подходило как нельзя лучше. Когда я получу магистерскую степень в Монтерее, у меня появится хороший шанс на зачисление в военно-морскую Школу летчиков-испытателей в Пэтьюксент-Ривер, в Мэриленде. После нее я смогу вернуться на флот и буду годен к назначению командиром эскадрильи – своей собственной!

Да и кто откажется жить в районе Монтерей – Кармел, в одном из самых красивых уголков Америки? Мы с Барбарой сдали хозяйке дом в Дель-Маре, закатали прощальный ужин с моей эскадрильей в Мирамаре и пустились в путь вдоль открытого всем ветрам берега, опустив съемную крышу машины и любуясь красотами калифорнийской природы.

Лето 1961 года было великолепным временем, в особенности для пилота с непреодолимым желанием летать выше и быстрее. Астронавт Гас Гриссом поднялся на своем «Меркурии»

по имени «Либерти Белл-7»²⁸ в 16-минутный суборбитальный полет, который чуть не закончился несчастьем, когда после приводнения внезапно отстрелился люк. Корабль затонул, и сам Гас едва не пошел ко дну. Ну и Советы вновь покрыли нас старшим козырем – космонавт Герман Титов за сутки облетел Землю 17 раз. Нашим ответом стал еще один шимпанзе, Энос, который вышел на орбиту.

В то время, как я погружался в учебные занятия, смерч Холодной войны набирал скорость. Коммунисты построили Берлинскую стену, которая разделила Германию. Американские и советские танки стояли нос к носу у КПП «Чарли». В Азии, куда вновь уходила «Ханна-Мару», генерал Максуэлл Тейлор запросил отправку специальной группы из 8000 американских солдат во Вьетнам. Я чувствовал себя виноватым. Я все еще летчик-штурмовик флота, ситуация накаляется, и где я должен находиться? В итоге я заключил, что в будущем ВМС найдут применение новому и улучшенному Сернану.

Монтерейский полуостров, без сомнения, был страной Бога. Высоченные секвойи, синь океана и прохладный летний бриз делали жизнь особенной. Институт ВМС больше напоминал университетский городок, нежели военную базу. Собственно, он располагался в бывшем отеле «Дель-Монте». Мы даже ходили не в форме.

Слушателям предлагали невзрачное государственное жилье, но мы с Барбарой хотели чего-то более личного, и в одной из поездок на машине в небольшом заросшем деревьями каньоне по дороге в Салинас мы нашли новый райончик под названием Фишерменс-Флэтс. Там нам попался необычный маленький домик с тремя спальнями, ванной и вторым санузлом, и кухней, которая одновременно служила столовой. В нем было всего 112 м² общей площади, и он стоял на десяти сотках земли. Я был держателем сберегательных облигаций, по 100 долларов за каждый месяц из почти уже пяти лет, так что мы внесли 4000 долларов и получили ипотеку на 15 тысяч. В месяц приходилось выплачивать примерно 105 долларов.

За все время нашего супружества мы никогда не жили на военной базе, и нашими соседями и друзьями обычно были гражданские люди. Когда Барбара устроилась офис-менеджером в среднюю школу Уолтера Колтона, она расширила круг наших невоенных знакомств, а я, в свою очередь, был рад узнать, что в университет также приняли одного из моих старинных приятелей. Скип Фёрлонг и его жена Рай стали вскоре нашими ближайшими друзьями.

Мы все были в одной лодке: юные, амбициозные и не особо денежные. На развлечения выдавалось лишь около 20 долларов в месяц, и большая их часть раз в месяц уходила на хороший обед в одном из модных ресторанов вдоль Кэннери-Роу. Каждый выходной устраивалась вечеринка в чьем-нибудь доме, и все мы считали изюминкой нашего курса распитие джина Бифитер прямо на скалах. Обычно мы пили вино, которое было настолько дешевым, что закупалось галлонами.

Учеба оказалась чертовски трудной, и я засел за книги с большим рвением, чем когда-либо в жизни. Я приходил на занятия к восьми утра и сидел до пяти, затем возвращался домой, обедал с Барбарой и занимался до полуночи, а то и до часу ночи. Авиационная техника в ее военно-морском варианте была сушим адом.

И тем не менее нам казалось, что мы живем в самом центре рая.

Как и большую часть Америки, меня захватили волнующие события космической гонки. Из-за трехчасовой разницы во времени между Флоридой и Калифорнией мне приходилось заниматься всю ночь, чтобы в предрассветный час в Монтерее увидеть по телевизору ранний утренний старт из Флориды.

Утром 20 февраля 1962 г. мы сидели с Барбарой на диване и смотрели, как стартовал третий пилотируемый «Меркурий», и Джон Гленн первым из американцев вышел на орбиту.

²⁸ Все пилотируемые корабли серии «Меркурий» имели личные имена, заканчивающиеся числом 7. Гриссом дал своему названию в честь Колокола свободы.

Когда он оказался в космосе и Центр управления сказал, что всё в норме, Барбара спросила: «А ты бы хотел проделать что-нибудь подобное?»

«Черт побери, да, конечно», – ответил я, но затем оценил реальное положение. Я был еще слишком молод и далек от необходимого опыта. Но мы все-таки немного подумали об этом.

Мои ощущения неполной готовности к такому назначению подтвердились в сентябре 1962 года, когда прошел второй набор астронавтов. В него попали гражданские летчики Нил Армстронг и Эллиот Си, пилоты ВВС Фрэнк Борман, Джим МакДивитт, Том Стаффорд и Эд Уайт и летчики ВМС Пит Конрад, Джим Ловелл и Джон Янг. Я отметил, что критерии отбора слегка изменились: теперь NASA хотело летчиков в возрасте до 35 лет, имеющих по крайней мере бакалаврскую степень по физике, биологии или в технической области, с опытом летчиков-испытателей и дипломом военной школы летчиков-испытателей или аналогичным. С возрастом и образованием у меня было все в порядке, но требовалось еще несколько лет, чтобы заработать заветный сертификат летчика-испытателя. Этой новой группе – их так и звали Новая Девятка, – предстояло войти в историю. Я же все еще был безымянным студентом, который готовится к сложным экзаменам и вместе с остальной Америкой смотрит космические передачи по телевизору.

Скотт Карпенгер стартовал на «Авроре-7», но недостаточно внимательно отнесся к своему делу и при посадке сильно перелетел назначенный район. Эта ошибка перекрыла ему возможность полететь еще раз. У Советов слетали Андриян Николаев и Павел Попович на «Востоке-3» и «Востоке-4», а Уолли Ширра вышел на орбиту для нас на «Сигме-7». Гонка продолжалась, запуски становились большими событиями, но космос пока еще не был виден в моем будущем.

А вот отцовство стало реальностью. 4 марта 1963 года Барбара родила прекрасную девочку с огромными голубыми глазами размером с серебряный доллар, глазами, которые стреляли по углам комнаты и ощупывали всё, как будто она хотела спросить: «Где я? Что я такое? Кто я?» Мы забрали Терезу Дон Сернан из больницы домой сразу после того, как я убедил Банк Америки предоставить краткосрочный кредит на 200 долларов, чтобы оплатить счет на 207 долларов. А вскоре после рождения Трейси Гордон Купер отлетал последнюю миссию на «Меркурии», настоящий марафон из 22 витков.

Приближался конец моей двухлетней учебы в Монтерее, и по оценкам я проходил на третий год углубленной подготовки в Принстоне, после чего смог бы добавить к своему резюме диплом одного из университетов престижной Лиги Плюща. Но сначала летом 1963 года надо было пройти интернатуру на фирме Aerojet General в Сакраменто, где я работал над перспективными жидкостными двигательными установками. Конечно, ракеты означали космос, и это поле явно становилось всё больше.

Однажды в пятницу после обеда я сидел на работе; Барбара в этот день была в Техасе у своей мамы, которая вернулась туда из Калифорнии. Раздался телефонный звонок. На том конце линии был командер²⁹ Шепард из Управления специальных проектов ВМС США в Вашингтоне. Шепард? Командер Алан Шепард, астронавт? Нет, ответил тот слегка раздраженным тоном: «Шепард, но не этот. Все меня об этом спрашивают». Затем он перешел к делу.

Командер объяснил изумительно обтекаемым бюрократическим языком, на котором говорят на берегах реки Потомак³⁰, что ВМС США и он лично более шести месяцев подбирал личные дела офицеров, которые могут, возможно, при должных обстоятельствах, быть допущены к участию в одном специальном проекте, и что мое имя попало в этот список. «Итак, – резюмировал он, – вы участвуете?»

²⁹ Соответствует капитану 2-го ранга.

³⁰ То есть в Вашингтоне в целом и в Пентагоне в частности.

Я напрочь не понимал, о чем он говорит, и поднял антенну радиолокатора. Что за специальный проект? Почему именно я? Все это выглядело очень туманно, а неписаное правило в военной среде гласило, что никогда нельзя напрашиваться на задание, не зная фактов. «Я должен вызваться – на что?» – спросил я.

Коммандер Шепард вздохнул с очевидным раздражением. Было ясно, что он разговаривает с болваном. «Да на программу «Аполлон», конечно! Мы хотим рекомендовать вас NASA для дальнейшей оценки». Агентство запросило у видов Вооруженных сил новый список потенциальных кандидатов в астронавты, и флотская комиссия по отбору включила в него мое имя.

Я на мгновение замолчал, потому что сердце прыгнуло мне в глотку. Я даже не подавал рапорта! Когда я смотрел условия в последний раз, я не соответствовал требованиям. Однако этот парень говорит, что ВМС рекомендуют меня NASA для подготовки в качестве астронавта. А он точно говорит с правильным лейтенантом Сернаном? Потребовалось несколько мгновений, чтобы смысл его вопроса дошел до меня, и тогда я вынырнул из тумана и выпалил с похвальным военным рвением: «Конечно, да, сэр! Не только это, сэр, но, черт побери, да! Сэр!»

Шепард бесцеремонно ответил мне, что устного ответа недостаточно. «Мы должны получить письменный ответ до девяти утра понедельника», – сказал он и повесил трубку.

Ошалевший от этого предложения, взбудораженный, я поспешил в ближайшее отделение Western Union и отправил этому занятому чиновнику телеграмму. Потом я позвонил Барбаре и рассказал новости. Я принял решение, которое могло изменить всю нашу жизнь, не посоветовавшись с ней, и, набирая номер, гадал, каким будет ее ответ на столь важный шаг, который я только что совершил. Она была в восторге, но я сумел уловить и глубокое опасение. Справившись с первоначальным удивлением, она сказала как раз то, что я хотел услышать: «Боже, Джин, надо попробовать».

Астронавт? Я?

7

Макс и Дик

Меня окутал ураган бумажной работы для NASA. Задания были в пределах от весьма технических деталей и до столь личных вопросов, что еще до того, как хотя бы один представитель Агентства встретился со мной, они знали всю мою жизнь. Как оказалось, шла еще только предварительная селекция более чем четырехсот военных и гражданских кандидатов.

О желании участвовать в отборе заявили еще трое моих коллег по университету – Дик Гордон, Боб Шумахер и Рон Эванс. Боб был моим хорошим другом, остальных двух я знал не слишком близко, потому что провел с ними вместе лишь несколько занятий. В будущем это всё изменилось, причем так, как никто из нас не мог себе представить. Наконец я закончил заполнять последний лист и отправил весь ворох в Хьюстон.

Мы с Барбарой уехали в отпуск, который изначально планировали как визит к ее матери в Техас и к моим родителям в Чикаго на Четвертое июля. Барбара купила билеты на дешевый ночной рейс National Airlines из Сан-Франциско в Хьюстон и улетела вместе с Трейси, которая только-только научилась сама вставать, и с нашим кокер-спаниелем по кличке Венера. Я закончил кое-какие дела в Калифорнии и вышел на трассу в новом «шевроле» 1963 года – вполне адекватном семейном седане, который заменил мою холостяцкую машину 1956 года с полотняным верхом. Мили улетали назад, я слушал по радио «Ритм дождя» и песню о волшебном драконе Пуффе и думал о возможном новом назначении.

Поскольку я должен был встретиться с Барбарой и ее мамой в Бейтауне, я решил проехать по окраинам Хьюстона и взглянуть на новый Центр пилотируемых космических кораблей MSC³¹, который строился в Клиэр-Лейке. Нашими воротами в небо был мыс Канаверал во Флориде; Лэнгли-Филд в Вирджинии, в удобной близости от Вашингтона, был местом рождения Целевой космической группы; крупные подрядчики располагались в штатах Калифорния, Миссури и Нью-Йорк. Двадцать три города соревновались за право быть домом MSC, большого и очень важного федерального проекта, но лишь у одного из них был в помощниках некий Линдон Джонсон из Техаса, по счастливой случайности – вице-президент США и председатель Национального космического совета при президенте. Поэтому LBJ, как его сокращенно называли, выкрутил необходимые руки и предъявил тысячу заросших кустарником акров³² в 40 км юго-восточнее Хьюстона. Так NASA обрело новый дом, а Техас – 60 миллионов из лунных денег.

Бетон, сталь и стекло росли быстро, превращаясь в офисные здания и испытательные сооружения, сияющие под горячим тexasским солнцем, и я ехал мимо них, присматриваясь к месту, где, возможно, скоро буду работать. Два года в живописном Монтерее испортили меня. В Калифорнии в самый жаркий летний день достаточно открыть окна, чтобы стало прохладно, но тexasская жара была подобна доменной печи. Солнце работало молотом, Хьюстон был его наковальней, а в моей машине не имелось кондиционера. Сказать, что меня переполняли чувства, было бы слишком мало. Я медленно проехал по Старому Галвестонскому шоссе и через новые кварталы, которые строились для размещения сотен инженеров и техников, стекающихся в MSC. Поселкам дали стильные имена типа Тимбер-Коув, Эль-Лаго и Нассау-Бей, но в действительности это были только что освоенные заиленные равнины, изнемогающие от духоты в дьявольской жаре, и коровы все еще щипали траву на будущих дорогостоящих жилых

³¹ С 1973 года – Космический центр имени Джонсона (Lyndon B. Johnson Space Center).

³² 1 акр = 0,40 га.

площадках. Смогу ли я просить семью о выживании на этой голой земле старых пастбищ и далеких горизонтов?

Барбара была из Техаса, и я думал, что она привычна к такой погоде, но, добравшись до дома ее матери, который охлаждал только старый неэффективный вентилятор, гоняя по кругу горячий воздух, я обнаружил, что жена страдает не меньше меня. Видение нашего милого дома в Монтерее плавало среди жары как мираж, и я подумал, что не пройти отбор в астронавты и избавиться от необходимости жить здесь было бы не так уж плохо.

Мы удрали из Техаса со всех ног и поехали в Чикаго, чтобы показать моим родителям новую внучку, а затем в Калифорнию, и вновь под безжалостным солнцем. В Айове температура поднялась до +38°C. Все, что мы могли сделать, это опустить до предела стекла, ехать как можно быстрее и молиться, чтобы достигнуть прохладного укрытия Скалистых гор прежде, чем мы вплавимся в асфальт где-нибудь среди кукурузных полей Небраски.

Через некоторое время мне в Монтерей пришло письмо из NASA с приглашением прилететь в Хьюстон на собеседование, и я узнал, что первоначальный список из нескольких сотен кандидатов сократился более чем наполовину. Слегка удивленный тем, что все еще остаюсь в забеге, я отправился в путь в стиле секретного агента, что сегодня кажется чертовски наивным.

Чтобы пресса не вышла на след тех, кто может стать кандидатами в астронавты, Дик, Рон, Боб и я вылетели из Сан-Франциско разными самолетами, в гражданской одежде и под вымышленными именами, изображая, что не знаем друг друга. Какие-то странные люди встретили нас в Хьюстоне в обстановке максимальной секретности и привезли в частные апартаменты в отеле Rice, где каждый из нас зарегистрировался под именем Макс Пек – так звали генерального директора отеля. Разумеется, войдя в бар отеля, я узнал друзей, которые уже сидели за выпивкой, и легко было догадаться, что некоторые другие стройные молодые люди с короткой стрижкой вокруг – каждый из них официально был Максом Пеком – тоже из летной среды. Слегка секретно, да.

Мне всё это напомнило первые дни в Мирамаре, когда у меня уже были «крылышки» пилота, но я еще не садился на авианосец. Меня занимал вопрос о том, каков послужной список других кандидатов. Что я вообще делаю в этой группе? Дик Гордон, например, был значительно более важной птицей, чем просто студент Военно-морского университета. Известный летчик-испытатель, он уже был в значительной степени завязан на космическую программу и совсем недавно участвовал в отборе, но не прошел во вторую группу астронавтов. В Новую Девятку попал его сосед по «Рейнджеру» Пит Конрад, а его инструктором в Школе летчиков-испытателей ВМС был сам Алан Шепард. Когда же Дик выиграл заветный приз Бендикса за рекордный трансконтинентальный перелет – 2 часа и 47 минут – поздравительную телеграмму прислал ему тот пилот, рекорд которого он побил, а именно – полковник Морской пехоты Джон Гленн.

Среди нынешних кандидатов были и другие летчики, обладавшие рекордами высоты и скорости; летчики-испытатели с великолепным послужным списком – к примеру, Майк Коллинз, тоже не прошедший в предыдущие наборы, а также парни типа Базза Олдрина, который имел докторскую степень Массачусетского технологического института по теории сближения в космосе. Что же касается летчиков ВВС, то большая их часть прошла через «волшебную школу астронавтов» на авиабазе Эдвардс, возглавляемую Чаком Йегером. В этой группе пилотов легко было почувствовать себя лишним. Что я мог сказать в свою защиту – что участвовал в двух боевых походах в Тихий океан и теперь учусь в Монтерее? Я полагал, что шансов у меня очень немного.

Они засыпали нас еще одной тучей бумаг, которые теперь включали вопросы по космическим полетам и орбитальной механике. Я мало что знал по этим темам, но на каждый вопрос отвечал коротким сочинением. Если им хотелось понять, как кандидат работает в новой для

себя ситуации, то они должны были оценить меня высоко, потому что на самом деле я многого не знал вообще.

Потом наступило время личных собеседований, и здесь я впервые встретился с настоящими астронавтами – теми, чьи имена были в газетных заголовках. За длинным столом вместе с парой гражданских лиц сидели Дик Слейтон, Уолли Ширра и Алан Шепард, и я почувствовал себя в самой гуще исторических событий. Эти парни были нашими героями космической эры. Меня грел тот факт, что я приглашен в их общество, но я чувствовал себя как заключенный перед комиссией по досрочному освобождению. Все они были вполне обходительны, за исключением Шепарда, который, казалось, смотрел своими холодными глазами строго сквозь меня. Чего они хотят? Важно ли, как я одет, как выгляжу, как говорю? Не было ли вот в этом вопросе подковырки? Все, что я скажу, им предстояло оценить, и я не знал, что им нужно. Бессмысленно преувеличивать свои заслуги – мой послужной список лежал перед ними. Лучшим вариантом было отвечать на все вопросы как можно более честно и надеяться, что этого достаточно. К примеру, кто-то спросил, как много раз я поднимался выше 15 км. Черт побери, для летчика штурмовой авиации вроде меня это было бы на полпути в космос! Поэтому я развернул вопрос на 180° и ответил: «Я летаю очень низко, но если нужно будет садиться на Луну, то рано или поздно придется снизиться». Помню, что их это развеселило. Опять же за исключением Шепарда, у которого, казалось, в венах текла ледяная вода.

Потом было несколько приемов с коктейлями, где мне выпал шанс встретиться с другими астронавтами и пожать руку знаменитому Джону Гленну, и я вернулся в Монтерей.

Вскоре они прислали еще одно письмо, в котором сообщалось, что я прошел очередной этап отбора. Теперь кандидатов осталось только 36, причем пара из тех, кого «возьмут обязательно», вылетела, а я все еще оставался в игре.

На авиабазе Брукс в Сан-Антонио нам провели исчерпывающее медицинское обследование, и NASA вычеркнуло из списка еще четыре имени. Среди них оказался Боб Шумахер, мой друг из Монтерея, у которого нашелся какой-то небольшой порок сердца. Это напрочь нечестное и нелогичное решение продемонстрировало, почему пилоты не доверяют врачам. Получается, он мог вести бой на реактивном самолете ВМС, но не подходил по здоровью для подготовки в качестве астронавта? С другой стороны, этот случай также показал, насколько тщательным был отбор. Оттого лишь, что несколькими годами раньше в колледже ты получил простую четверку, без плюса, тебе могли предпочесть другого парня. Утверждалось, что шанс попасть в астронавты примерно один к трем миллионам, и я готов был в это поверить. Но – черт побери! – мои перспективы становились все лучше.

После медицинского обследования нас осталось всего 32, и мне начало казаться, что, пожалуй, шанс у меня есть. Однако ни я, ни Барбара не позволяли этим надеждам завладеть нами, потому что в процессе еще оставалось слишком много неизвестных. *Эй, Сернан, ты подошел близко, но цыплят еще считать рано.* И все же мы пересмотрели планы на Принстон. Если я начну там учиться, и в этот момент придет вызов в отряд астронавтов, получится, что мы зря переехали в Нью-Джерси. Поэтому мы решили остаться в Монтерее, чтобы я отучился в Военно-морском университете третий год и закончил работу по использованию водорода в качестве топлива для ракет с высокими характеристиками. Мы, конечно, ждали, как развернутся события на астронавтском фронте, но было приятно осознавать, что если меня и не выберут, то худшее, что может случиться, – мне придется защищать магистерскую диссертацию.

Затем начались странные телефонные звонки от друзей и давних знакомых, причем некоторых из них я успел забыть за прошедшие годы. «Джино, у тебя все в порядке? Никаких сложностей? Приходил агент ФБР и спрашивал о тебе». NASA тщательно изучало подноготную кандидата и опрашивало всех – от бывших подружек до университетских профессоров. Не объявлял ли он банкротства? А как учился и какие награды получал? Всегда ли платил за парковку? Имеет ли военные награды и взыскания? Они все это перемалывали, и не дай

бог оказаться в чем-то нечистым. А мне было запрещено говорить кому-либо, что происходит, чтобы не проноухала пресса.

Мы знали, что окончательное решение нам объявят по телефону. Если на линии будет Дик Слейтон, возглавляющий Отдел астронавтов, значит – приняли, а если его помощник Уоррен Норт – то в пролете. Чтобы не занимать телефон, друзья перестали мне звонить, и дни тянулись как резина. Ответ мог прийти в любой момент. Когда же телефон все-таки звонил, мы боялись поднять трубку. А вдруг со мной хочет поговорить Уоррен Норт?

В конце концов примерно в три часа дня в начале октября телефон зазвонил. Трубку подняла Барбара, ощущая явный дискомфорт в желудке. Она ответила оператору NASA, что меня нет дома, и дала телефон университета. После этого она села и попыталась не думать о вопросе, который не хотел оставить ее мозг в покое: «У нас получилось или нет?»

Мы с Роном Эвансом находились в одной аудитории, когда нам сообщили, что нас обоих вызывают к телефону ответить NASA, но в разные комнаты. Пожелав друг другу удачи, мы закрыли за собой двери и взяли в руки трубки так аккуратно, будто они были сделаны из горячего металла. Мое сердце едва не остановилось, когда я услышал хриплый голос Дика Слейтона: «Джино?»

Я встал по стойке «смирно», внимая человеку, сидящему за столом в нескольких сотнях миль отсюда: «Да, сэр! Дик?»

«Да. Привет, Джино, – сказал он. – Если тебя все еще интересует работа здесь, то у меня для тебя есть место». Надо полагать, что я ответил утвердительно, но я был настолько взволнован, что даже не мог вспомнить, как положил трубку.

Однако мою радость здорово подпортило подавленное лицо Рона Эванса, который имел печальный разговор с Уорреном Нортом. Он не прошел отбор, и мое сердце обливалось кровью. Мог ли какой-нибудь провидец сказать в эту минуту, что пройдет не слишком много лет, и мы с Роном вместе будем лететь к Луне на ракетном корабле?

Новость быстро разошлась по всему кампусу. Дик Гордон тоже прошел, так что был повод как следует это отметить. Я не успел даже позвонить Барбаре, как меня вынесли за дверь и притащили в бар старой гостиницы Марка Томаса с целью напоить вусмерть, причем мне не пришлось покупать ни капли выпивки. Расходы взяли на себя друзья, в том числе и Рон Эванс и Боб Шумахер. Лишь через несколько часов я смог связаться с Барбарой, которая была очень сердита, потому что сидела как на иголках с момента первого звонка из Хьюстона. Она могла бы просто убить меня, но не стала, и вместо этого примчалась поучаствовать в праздновании, а мои приятели тем временем орали: «Он поедет в Хьюстон! Он поедет в Хьюстон!»

Когда NASA объявило имена четырнадцати новых астронавтов, наш телефон стал звонить непрерывно, телеграммы пошли косяком, а почтовые работники тащились к нашим дверям с мешками писем – их было больше, чем мы получили за всю жизнь до того. В мгновение ока я перестал быть *еще одним студентом* и стал *настоящим американским героем*, хотя не сделал еще абсолютно ничего в космической программе.

Мы чувствовали себя как пара золотых рыбок в стеклянной чаше. Теперь все смотрели на нас. Газеты хотели интервью, а между тем никто из нас ранее в глаза не видел репортера и тем более не разговаривал с кем-то, кто будет про нас писать. К счастью, наши старые друзья дали нам ту устойчивость, в которой мы нуждались. Для них мы по-прежнему были Барбарой и Джином, молодой семейной парой с маленькой дочкой, которые пытаются прожить на зарплату лейтенанта флота.

22 ноября я был на занятиях, когда прибежал вестовой и принес преподавателю записку. Он прочитал ее и побледнел, а затем объявил, что президент Кеннеди только что убит в Далласе. Я поспешил домой и нашел Барбару в спальне с бигудями в мокрых волосах рядом с напрасно жужжащей сушилкой. Она стояла как статуя и смотрела в телевизор. Мы бросились в объятия и зарыдали. Всего лишь на прошлой неделе мы верили, что однажды встретимся с

президентом и миссис Кеннеди. Барбара даже шутила, что наша дочь Трейси одного возраста с их младшим сыном, которого все звали Джон-Джон. Теперь Кеннеди был мертв, и все мы, вне зависимости от политических взглядов, почувствовали пустоту.

На следующий день 2000 офицеров и военнослужащих по призыву Военно-морского университета пришли на поминальную службу. Целое море синих мундиров и белых фуражек выстроилось рядами вокруг высокой мачты со спущенным до середины американским флагом. Контр-адмирал Чарлз Бергин, начальник университета, сказал, что собравшиеся оказывают последние почести не только павшему президенту, но и «моряку, который отдал свою жизнь, выполняя служебный долг», потому что во время Второй мировой войны Кеннеди был капитаном торпедного катера. Я стоял в скорбном молчании рядом со своими товарищами и думал, как смерть президента скажется на космической программе, потому что судно без капитана неминуемо собьется с курса.

Нам нужно было найти в Техасе место для проживания, и на следующий день ВМС выделили мне и Дику Гордону самолет, чтобы слетать в Хьюстон. Я нашел небольшой симпатичный кирпичный домик, сдающийся в аренду, на Хантресс-Лейн, в одном из кварталов вблизи космического центра, а затем мы с Диком встретились на базе Эллингтон и отправились в долгий путь домой. Когда мы сели на дозаправку на авиастанции вблизи Финикса, все в штабе базы толпились вокруг громко орущего телевизора. Репортеры рассказывали, что владелец ночного клуба в Далласе застрелил Ли Харви Освальда, предполагаемого убийцу Кеннеди, во время его отправки в окружную тюрьму.

Что, черт побери, происходит с нашей страной?

8

Астронавты есть?

Корабли серии «Меркурий» были названы в честь мифического крылатого гонца, а программа создания двухместного корабля получила весьма удачное имя «Джемини» – по латинскому названию созвездия Близнецов. Трехместные корабли, которые должны были полететь к Луне, носили имя «Аполлон» – имя греческого бога Солнца.

Никто из моего набора не стартовал ранее чем через два с половиной года, а последний из нас полетел лишь почти по истечении шести лет. Четверо погибли, не получив шанса на полет, и лишь четверо из нас прошли по Луне.

Все мы прибыли в Хьюстон под новый, 1964 год: из ВМС США – я, лейтенант Алан Бин, лейтенант-коммандер Ричард Гордон и лейтенант Роджер Чаффи; капитан Корпуса морской пехоты Клифтон Уильямс; офицеры ВВС США: майор Эдвин Олдрин по прозвищу Базз, капитаны Донн Айзли³³, Уильям Андерс, Чарлз Бассетт, Майкл Коллинз, Дэвид Скотт и Теодор Фриман; наконец, двое гражданских – Уолтер Каннингэм и Расселл Швейкарт.

Вживаясь в Хьюстон, мы одновременно попали в защитную оболочку от неприятных новостей из внешнего мира. Соединенные Штаты испытывали сложности с гражданскими правами и социальными протестами, а за рубежом были Вьетнам и Холодная война. Во времена заваривающихся проблем росла потребность в героях, которые могли бы стать хранителями веры и носителями огня. Будучи новичками среди астронавтов, мы этого еще не осознавали, но эти роли отводились как раз нам.

Мы с Барбарой и Трейси приехали в середине января после закрытой церемонии выпуска в управлении начальника университета.

Другому студенту диплом могли бы выслать по почте, но в отношении нового астронавта дела делались иначе. Трудно было поверить в эти первые недели, что я действительно хожу по одним коридорам Центра пилотируемых космических кораблей со знаменитыми астронавтами Первой Семерки. Я встречался с ними на собеседовании и несколько раз на вечеринках, но теперь они каждый день были вокруг, и меня распирали вопросы, которые я не осмеливался задать. Я чувствовал себя самозванцем.

Что же касается почитания героев, то я даже сумел получить с каждого автограф на написанной от их лица книге «Мы, семеро», добавил посвящение лично от себя и отправил отцу в качестве рождественского подарка. «Господь даст, быть может, однажды я смогу стать частью этого «мы», – писал я. – И если это случится, то всей благодарности в мире будет недостаточно, чтобы вознаградить тебя за твою роль в этом достижении».

Темп космической гонки нарастал, и русские все еще были впереди. Незадолго до того, как пришел мой набор астронавтов, советская космонавтка Валентина Терешкова стала первой женщиной в космосе, успешно проделав эпическое путешествие из 48 витков. В конечном итоге мне довелось познакомиться с Валентиной, и я нашел ее очаровательной и обаятельной. Русские хотели записать на свой счет еще одно «впервые в мире», и им стала она, хотя Терешкова на самом деле не вполне подходила для такого задания, потому что была подготовлена как парашютист, а не к космическому полету³⁴. Из-за невесомости она чувствовала себя очень плохо всё время, которое провела в космосе, и еще несколько дней после этого.

³³ Во многих источниках его фамилия ошибочно транскрибируется как Эйзел.

³⁴ В действительности В.В. Терешкова после зачисления в отряд космонавтов весной 1962 года успешно прошла курс общекосмической подготовки, а затем и все необходимые тренировки непосредственно перед космическим полетом на «Востоке».

В нашей собственной программе важные вопросы не находили ответа. Смерть Кеннеди оставила огромный и непонятный вакуум лидерства. Пост президента принял Линдон Джонсон, политик до мозга костей. Теперь, когда нашего лидера не стало, – сочтет ли президент Джонсон необходимым выполнить его обещание и отправить человека на Луну? В то время как я осваивался с новой работой в качестве астронавта программы «Аполлон», никто из нас не знал, а будет ли на самом деле такая программа.

Пионерская серия «Меркуриев» закончилась несколькими месяцами раньше, в мае 1963 года, а «Аполлон» был еще слишком далек, чтобы разглядеть его контуры. Поэтому NASA строило своеобразный мост между двумя программами – систему полетов двухместных кораблей по имени «Джемини» с целью испытать важнейшие концепции, необходимые для «Аполлона». Можно ли выйти в открытый космос и работать там? Сможем ли мы найти на орбите другой космический аппарат и встретиться с ним? Возможно ли построить ракеты, которые смогут безопасно пересечь неведомую бездну между Землей и Луной? В описываемый момент ничего из перечисленного еще не было сделано.

Поначалу это не было очевидно, но некоторые из моих героев уже уходили в тень, и состав команды астронавтов менялся. Из знаменитой Первой Семерки все, кроме Слейтона, слетали на «Меркуриях», а Дика отстранили из-за незначительной сердечной аритмии³⁵. В течение двух последних лет он был главой Отдела астронавтов. Джон Гленн, прославившийся как наш первый человек на орбите, был в процессе увольнения, имея на уме политику. Таким образом, в летном статусе оставались пятеро из группы «Меркурия» – Ал Шепард, Гас Гриссом, Уолли Ширра, Гордо Купер и Скотт Карпентер.

Будучи теперь участником программы, я стал смотреть на них под другим углом, оценивая каждого как возможного партнера по полету. Это упражнение заставило меня задуматься, что скрывается за трескучими газетными заголовками.

Гордо был свойским и приятным в общении и чертовски сильным пилотом. Многие заскорузлые чиновники NASA полагали, что этот парень с тягучим оклахомским акцентом слишком склонен к авантюрам, и этот взгляд в конечном итоге отразился на его полетных назначениях.

Гас был трудным для знакомства человеком. Он привычно здоровался со всеми в коридоре, но мало с кем был близок и не слишком интересовался нами, новичками. Или ты был его другом, или нет; Гас прилагал немало сил, чтобы показать, что он тут вожак стаи, и мог подставить тебя, если видел, что это тебе не нравится. В глубине души я чувствовал, что после полета на «Меркурии», когда его корабль пошел ко дну, а сам он едва не захлебнулся, Гас всего немного побаивался.

Скотт был единственным, кто летал на многомоторных самолетах, среди этой элитной команды ветеранов реактивной авиации. Ходил слух, что он и не рвался в космическую программу – это была заслуга его динамичной и привлекательной жены. Скотт же вовремя оказался на месте и с медицинской точки зрения подходил просто потрясающе. Однако он облажался в полете на «Меркурии», развлекаясь в управлении кораблем и не уделяя достаточного внимания выполнению задания. Он не отработал тормозной импульс должным образом и приводнился в нескольких сотнях миль от расчетного района. Вскоре стало вполне очевидно, что Скотт больше никогда не полетит в космос.

Уолли, прекрасный пилот, был всеобщим приятелем и курицей-наседкой для новой группы астронавтов. Мы звали его Скайрей³⁶ по имени самолета, на котором он в свое время летал. Уолли устраивал «вполне заслуженный» длинный перерыв на кофе с куда большей охо-

³⁵ Слейтон должен был выполнить второй орбитальный полет в апреле 1962 г., но в марте был отстранен и заменен Карпентером.

³⁶ Skyray, «небесный луч».

той, чем залезал в тренажер. Тем не менее он был очень хорош в своем деле, и полный перфекционист, если не обращать внимания на фривольный юмор. В нем не было никакого притворства. Он мне нравился.

Ал, первый, кто полетел на «Меркурии», был лучшим из этой команды. Он представлялся естественным выбором для дальнейшего продвижения – на «Джемини» и на «Аполлон». Он вполне подходил на роль первого человека на Луне. Однако Ал был совершенной загадкой. Он мог быть теплым и приятным в общении в один момент, а в другой – командиром со стальными глазами и без какого-либо следа широкой улыбки. Для новичка вроде меня казалось разумным держаться подальше от Алана Шепарда.

На мой взгляд, Шепард, Ширра и Гриссом точно должны были командовать будущими кораблями, а возможно, и Купер. По большому счету, Карпентера можно было не учитывать. Таким образом, от Семерки реально осталось лишь четверо, что немного разряжало обстановку в части будущих мест в экипажах, но не сильно. Должно было пройти еще много времени, прежде чем хотя бы одно место предложили бы любому из членов моей группы. Вся Новая Девятка стояла между Первой Семеркой и нами.

Многие верят, что существовал какой-то генеральный план по личному составу, исполнение которого сделало Нила Армстронга первым, кто пройдет по Луне. Это не так, и сага об Але Шепарде объясняет почему.

Как и в программе «Меркурий», Шепард был первым кандидатом на полет на «Джемини». Его напарником должен был стать Том Стаффорд из Новой Девятки. В середине 1963 года, еще до того, как этот выбор стал официальным, Шепард испытал приступы головокружения. Врачи в предварительном порядке диагностировали у него проблему со средним ухом, известную как болезнь Меньера, и временно отстранили его от полетов. Несколькими месяцами позже Ал вернул себе летный статус и был назначен на первый полет «Джемини», но врачи вызвали его на еще одно обследование и нашли, что состояние уха ухудшилось. На этот раз они не только заблокировали ему возможность полета в космос, но и ограничили в полетах на самолетах. В соответствии с вынесенным решением он, если вообще хотел полететь, должен был иметь рядом с собой другого квалифицированного пилота, пусть даже из числа нас, новичков, потому что одиночный полет с точки зрения медицины перестал быть безопасным. Его не просто ударили ножом в спину – но еще и повернули нож в ране. О Боже, думали мы, если это могло случиться с Шепардом, это может произойти с кем угодно.

К этому моменту список астронавтов для полетов на «Джемини» включал Уолли Ширру в качестве командира второго корабля³⁷, а Гас Гриссом был дублером Шепарда. Ал выбыл, и кто же теперь будет вместо него? Дик назначил Гриссома командиром первого экипажа «Джемини» и поставил Уолли дублером Гаса. Как следствие, Ширру пришлось убрать с должности командира на второй полет. Уолли был этим недоволен, его веселый темперамент весь куда-то делся. Он терпеть не мог быть чьим-либо дублером.

Это решение поставило также вопрос о том, что делать с Томом Стаффордом, партнером Шепарда. Стаффорд рассматривался как наиболее сильный человек в программе по технике встречи на орбите, и NASA хотело, чтобы он полетел поскорее. Партнером Гриссома и дублером Стаффорда в первоначальном раскладе был Фрэнк Борман. Имело смысл продвинуть Гриссома и Бормана как единое целое, а потому Стаффорда из экипажа убрали, но это был еще не конец эпизода, который развивался в стиле комиков Эбботта и Костелло с их номером «Кто первый?». Оказалось, что и у Гриссома, и у Бормана такое эго, что вместе им в одном корабле не ужиться. Помимо этого, Борман уже стоял в планах на важный последующий полет. Поэтому его убрали из экипажа Гриссома в пользу более покладистого Джона Янга, который изначально был в экипаже Ширры. Джон мог поладить с кем угодно и был чертовски хорошим

³⁷ Вообще-то третьего пилотируемого «Джемини», но для дальнейшего изложения это несущественно.

пилотом. В этой головоломке было еще с десяток или около того кусочков, но уже один этот запутанный инцидент иллюстрирует причудливость всей процедуры выбора экипажей.

Мне как новичку было трудно анализировать, куда я могу попасть в этом процессе. За небольшим числом исключений окончательное решение о том, кто полетит, когда и в какой должности, принимал Дик Слейтон. Мы изучали его решения с великим тщанием, пытались найти какую-нибудь закономерность, однако ее не было.

Планировалось десять пилотируемых полетов «Джемини»³⁸, по два астронавта на каждом, то есть всего было в наличии 20 мест. С выбытием Шепарда осталось трое годных меркуриевских астронавтов, и если все члены Новой Девятки получат полетные назначения, то 12 мест уйдут сразу. Разумно было предположить, что некоторые из более опытных ребят слетают дважды, в первый раз в роли пилота, а во второй – командира. Таким образом, нашей группе астронавтов не светило множество пустых клеток в летной таблице «Джемини». Однако чехарда Шепард – Гриссом – Ширра и Стаффорд – Борман – Янг в первом же экипаже давала нам надежду. «Никогда нельзя знать заранее», – гласила старинная поговорка.

Среди всего этого прошли изменения и в составе руководства. Слейтон уволился из ВВС, оставшись целиком в распоряжении NASA, и был продвинут на должность помощника директора Центра пилотируемых кораблей по операциям летных экипажей. Человек меньшего масштаба мог бы уйти в отставку в знак протеста против отстранения от полета в 1962 году, но Дик выдержал бурю и создал под себя уникальную руководящую должность в космической программе. Для отряда астронавтов он стал не просто боссом, а признанным «крестным отцом», которого уважали все, включая старших руководителей Агентства.

Одним из его первых действий было перетащить только что отстраненного от подготовки Шепарда на оставленное Диком место главы Отдела астронавтов. Этот холодный как лед и грубый сукин сын не смог принять решение врачей с благородством Дика Слейтона, и, казалось, видел теперь свою главную цель в том, чтобы внушить страх Божий каждому из нас – просто потому, что мы имеем право полететь в космос, а он нет. Дик и Ал могли бы исполнять роли доброго и злого полицейского в телесериале об убийном отделе Нью-Йорка, причем Дик придавал уверенность, а Ал требовал большего, чем ты мог сделать. В результате вся программа продвигалась лучше.

Наша группа вошла в ритм подготовки. Краткий вводный курс сменился двадцатью тяжелыми неделями лекций, технических назначений и экзотических командировок. Мы были лишь новичками, но прошедшими исключительный процесс селекции. Нас погрузили в головокружительные темы, нам показали вживую ракеты и объяснили, с чем мы можем столкнуться в космосе. Теперь мы не смотрели на все это с другой стороны телевизионного экрана, а сами шли по Мысу, изучали стартовые сооружения и стояли перед огромными ракетами, которые должны поднять нас в космос. NASA зачастую хотело использовать нас все семь дней в неделю, и мы обнаружили, что постоянные разъезды являются частью нашей работы. Для меня это оказалось превосходное время – люди вокруг были блестящими, работа – поразительной, а высшая возможная награда – прогулка по Луне – почти невероятной.

Однако если для новых астронавтов все планировалось в деталях, NASA не имело никаких руководств по выживанию для наших жен. Это был серьезный недосмотр, за который наши семьи заплатили тяжелую цену. Думаю, NASA считало, что раз мы, как правило, являемся военными семьями, то мы и так привычны к долгим разлукам и к жестко структурированной военной жизни. Жены офицеров с точки зрения исторического опыта должны были уметь справляться с такими сложностями. На самом деле это была ошибка.

Почти сразу после того, как мы обустроились в арендованном небольшом кирпичном бунгало по адресу Хантресс-Лейн, 1922, в новом доме, не защищенном деревьями от тexas-

³⁸ Два беспилотных полета имели обозначения GT-1 и GT-2, десять пилотируемых – от GT-3 до GT-12.

ского солнца, Трейси свалилась с температурой 41° и болела так тяжело, что нам приходилось окунать ее в лед. Барбара тоже сильно простудилась из-за резкой перемены климата по сравнению с приятным монтерейским. И лишь много лет спустя я узнал, что она так боялась оставаться одна в этих странных окрестностях, что могла не спать и плакать половину ночи, пугаясь каждого шороха и опасаясь, что кто-нибудь может вломиться в дом.

Она не рассказывала мне об этом тогда, или, быть может, я просто ее не слышал. Понятно, что я был настолько переполнен эмоциями и взволнован, настолько захвачен ролью астронавта, что, приезжая домой на выходные, мог говорить только о нашей подготовке и о программе. Это было «дорогая, давай я тебе расскажу, что я смог сделать», но не «а что ты тут делала на этой неделе?». Оглядываясь теперь назад, я понимаю, что семья страдала из-за моего «туннельного» зрения.

Постепенно Барбара и другие жены, которые испытывали потрясение такого же свойства, перознакомились и подружились. Точно так же как Дик был нашим крестным отцом, его жена Мардж превратилась в наставницу жен. Первое впечатление от Хьюстона уступило место приятному открытию: оказывается, в Техасе люди не забыли, как сказать «пожалуйста» и «спасибо», и при необходимости могут бросить все дела и протянуть руку помощи. В доме появился кондиционер, который рассеивал жару, а Трейси нашла других детей, с которыми можно было играть. Все это образовалось не быстро, но мы выжили.

Конечно, было одно обстоятельство, которое облегчало наше положение и заставляло нас трезво смотреть на любые трудности, с которыми приходилось столкнуться: нам создали особые условия. Самым ценным был знаменитый контракт с компаниями Field Enterprises Educational Corporation и Time Inc., получившими эксклюзивные права на общение с нами. С благословения NASA и Белого дома издатели заключили сделку, в рамках которой астронавтам Первой Семерки в равных долях за несколько лет должны были выплатить сумасшедшие деньги – 500 тысяч долларов, по тем временам целое состояние. Когда к ним присоединилась Новая Девятка, пирог пришлось разрезать на более тонкие ломтики, но и это были немалые суммы. Когда мы появились в команде, финансирование перераспределили еще раз в равных долях, так что каждому из нас причиталось по 16 250 долларов в год. Помимо того, что мы были астронавтами, мы стали еще и богатыми людьми! Это соглашение получило известность как контракт с журналом *Life*, потому что большая часть написанного о нас и наших фотографий появлялось именно в этом иллюстрированном еженедельнике, и эти доллары стали отличным подспорьем молодому лейтенанту флота и его семье, которая должна была жить на годовую зарплату в 10 835 долларов.

Затем компания General Motors предложила нам сделку, в рамках которой можно было выбрать новый «шевроле» любой модели, цвета и стиля, проехать на нем 5000 км и затем выкупить «подержанную» машину по специальной цене. На следующий год я мог продать ее и купить новую по той же схеме. Присоединилась и фирма American General Mortgage, которая предложила ипотеку под фантастические 4 %. Репутация героя, оказывается, включала и определенные выгоды. Люди стремились продемонстрировать свое понимание и поддержку, и выражалось это в сделках на особых условиях, распространяемых на нас.

Мы передали большую часть «лишних» денег в трастовый фонд на обучение Трейси в колледже, но сколько-то все-таки пришлось истратить на покупку новой одежды. Социальные обязательства, которые, как оказалось, прилагаются к должности космонавта, требовали, чтобы у моей жены в шкафу было еще несколько платьев, а мне пришлось впервые в жизни купить смокинг.

Мы подписались и на автомобильную сделку, хотя и без особого желания, избавившись от «шевроле» 1963 года и купив такую же модель, но выпуска 1964 года и с кондиционером. Нам казалось, что сразу же оторвать «корветт» с выставки будет слишком нахально. Ко всему прочему, я не знал: а вдруг Дик или Ал поставят черную метку около моей фамилии, увидев,

как ничего еще не сделавший астронавт рассекает по окрестностям в «корветте». В конечном итоге я поддался и этой лихорадке, и каждый год передавал свою «старушку» приятелю, Скипу Фёрлонгу, который за скромные деньги мог проехать несколько миль на шикарной спортивной машине, а затем сбуть ее кому-нибудь еще. Так «корветты» уходили в народ.

На занятиях в NASA делался большой акцент на научных дисциплинах, главным образом на геологии. Считалось, что это пригодится нам, когда мы наконец достигнем Луны. У всех нас была техническая подготовка, но черт возьми, мы же пилоты! Проблема в имидже – мы не хотели, чтобы на нас смотрели как на ученых. Мы ставили себя так: не существует ничего, что мы не смогли бы сделать, в том числе и собрать лунные породы необходимых видов. Вам нужен геолог – отлично, у вас есть геолог, и это я. В конечном итоге мы смогли защитить наш взгляд. 11 из 12 человек, которые исследовали Луну, были летчиками, и мы привезли целую сокровищницу научного знания.

Прослушанные нами лекции закреплялись полевыми экспедициями в такие отдаленные места, как вулканические территории в Аризоне и на Аляске, а также в Исландии. Одним из наших инструкторов от Геологической службы США был приземистый молодой геолог по имени Джек Шмитт. Он-то и стал двенадцатым человеком на Луне, где мы провели вдвоем трое суток.

Я насмотрелся на чертову уйму камней, прошагал многие мили по лавовым отложениям и продолжал удивляться тому, какое это все имеет отношение к полету в космос. Тем не менее я напряженно работал над освоением и этой темы, потому что обстановка была весьма конкурентная, и мы хотели достичь максимального результата во всех сферах подготовки. Никто не знал, на что обратит внимание Дик, когда будет распределять места в будущих экипажах.

Уникальным вариантом тренировки было выживание в джунглях и в пустыне. Мы рассматривали это как необходимость, на случай, если промахнемся мимо расчетной точки посадки, но из-за этого как-то не хватало уверенности в том, что NASA всегда знает, куда именно приземлится корабль.

В марте, вскоре после того, как Трейси исполнился год, вертолеты засеяли влажные джунгли Панамы бравыми американскими астронавтами. Нас забрасывали попарно. Имея в своем распоряжении минимальный набор средств для выживания – только то, что будет у нас после реального полета, – мы должны были продержаться на местных ресурсах до недели.

Естественно, нам дали инструкции, как это сделать. Одна из них состояла в том, что нужно срубить пальму и срезать ее верхушку, чтобы добраться до сочной и вкусной сердцевины, которая обычно встречается лишь в дорогих ресторанных салатах. За несколько дней в Панаме я съел столько этого чертова деликатеса, что с тех пор не могу на него смотреть.

Другой совет заключался в поимке и приготовлении игуаны. Это было легче сказать, чем сделать. Через несколько дней, когда от голода уже подводило желудок, эти большие ящерицы стали казаться похожими на стейки из курятины с подливкой. Игуаны, кажется, тоже об этом знали, и играли в игру под названием «поймай меня, если сможешь».

Мы с Донном Айзли нашли ручей, из которого можно было пить, построили укрытие и привязали парашюты к деревьям, превратив их в гамаки. Нас предупредили, что на земле спать нельзя. Бревно, уложенное на пень пальмового дерева под нами служило импровизированным столом. Среди ночи нас заставило насторожиться какое-то гудение, как будто бы поднялся в воздух целый улей пчел. Мы уставились во тьму; шум становился сильнее и ближе, превращаясь в ритмичный толкающий звук, как будто по мокрой листе идет стадо животных. Какого дьявола? Мы схватили фонарики и увидели переднюю кромку огромного ковра из муравьев, приближающихся со стороны деревьев. Миллионы жвал издавали непрерывное и громкое чавканье. Ковер двигался вперед, поглощая все на своем пути, и аккуратно между мной и Донном. Когда муравьи дошли до нашего маленького стола, они полезли на пень и на бревно, полностью закрыв их своими телами, и зашагали дальше словно по мосту. Большой паук, кото-

рый сплел паутину в углу, попал в окружение и попытался удрать от опасности на паутинке, но свалился в колышущуюся орду на земле и сгинул. Мы с Донном оставались очень и очень спокойными. Бежать нам было некуда, так что все, что мы могли сделать, – это молиться за прочность парашютных строп, держащих нас выше уровня земли, по которой маршировали муравьи. Прошло десять минут, прежде чем задний колышущийся край этого жуткого ковра пропал в темноте джунглей и мы увидели поперек нашей полянки трехметровую полосу совершенно пустой земли. На ней не осталось ни листочка, ни травинки, а наш грубый стол лишился коры и казался отполированным ногами и челюстями насекомых. Лежа в гамаках, мы прислушивались, как вдали чавкает и топает армия муравьев, истинных хозяев джунглей.

Космический центр стал магнитом дальнейшего развития. В том полу-болоте, которое мы теперь называли домом, было немного оплотов цивилизации: единственная заправка на главной улице и магазин фирмы Sears в 30 минутах езды. Но бульдозеры сгребали тexasский кустарник, изгоняя прочь водяных и медноголовых щитомордников, и по их следам шли отряды плотников, водопроводчиков и электриков, чтобы построить новые дома. Старый добрый Линдон сбросил на Хьюстон бомбу полной занятости. Все эти лунные люди должны где-то жить! Им надо есть! Им нужны магазины! Ясное дело, лунным людям не захочется ехать за 40 км в Хьюстон за беконом с яйцами!

Рядом с нами находилось еще два участка, заселенных ранее прибывшими работниками программы. В Тимбер-Коув, первом из них, обитали шестеро из Первой Семерки; Ал и Луиза Шепард жили в самом Хьюстоне. Другой назывался Эль-Лаго, и там владели домами большинство астронавтов из Новой Девятки. Теперь же у чаппарала отвоевывали территорию небольшие поселения Клиэр-Лейк и Нассау-Бей, которые стали местом проживания многих из нашей группы.

Мы с Барбарой использовали часть суммы от *Life* в качестве первого взноса за участок, наняли архитектора и начали строить жилье своей мечты – невысокий, кремового цвета, похожий на ранчо дом по адресу Барбуда-Лейн, 18511, в поселке Нассау-Бей. В нем было примерно 280 квадратных метров, стоил он 33 000 долларов, а ставка по ипотеке оказалась достаточно низкой, чтобы я мог выплачивать ее из регулярного жалованья.

Наш район был одним из самых уникальных в Америке – он был полностью заселен участниками программы. Во всех соседних домах жили если не астронавты, то инженеры, менеджеры и их семьи. В конечном итоге Нассау-Бей включили в свой маршрут экскурсионные автобусы с туристами, увешанными камерами и щелкающими затворами. Случалось – уже после того, как я слетал в космос, – что я стриг газон или сажал дерево, одетый в драные штаны и пропотевшую рубашку, и тут к дому подползал автобус, водитель которого кричал мне: «Эй, приятель! Где тут живут астронавты?» Я чесал в затылке, взмахивал рукой вдоль улицы и туманно отвечал: «Кажется, есть у нас парочка где-то там». Мои соседи – Роджер Чаффи, Майк Коллинз, Дейв Скотт, Ал Бин, Расти Швейкарт, Дик Гордон и Джим МакДивитт – проделывали то же самое. А поскольку скафандров на нас не было, никто не мог нас узнать.

Шли месяц за месяцем, подготовка усложнялась. И хотя внешний мир думал о нас с придыханием, внутри космической программы мы все еще оставались классом новичков. Порядок старшинства означал, что нам придется ждать своей очереди на полет. Была лишь одна обязанность, которую старшие астронавты радостно переложили на нас – она называлась «неделя в бочке». Каждый политик и каждая организация граждан хотела заполучить астронавта в качестве гостя и послушать его, и Дик долго сражался, чтобы убедить NASA в том, что мы готовы лететь на Луну, а не произносить речи. Компромисс был найден в том, что каждую неделю один астронавт выделялся для такой работы – это и называли «неделя в бочке». Отдел связей с общественностью выстраивал запросы в соответствии с их важностью, и «дежурный по пиару» ездил на мероприятия, давал интервью журналистам и вообще «демонстрировал флаг». Обычно говорить приходилось тем из нас, кто меньше всего знал о том, что происходит.

Мой первый срок попал на Авиационную неделю в Коннектикуте. Чиновник NASA, ответственный за протокол, доставил меня на место и выдал подготовленный текст, который надо было зачитать. Губернатор Коннектикута с гордостью указал на молодого, коротко стриженного человека за столом для почетных гостей и буквально просиял, произнося слова «астронавт Джин Сернан». Я встал под громкие аплодисменты. Зрители, наверное, думали, что перед ними крутой и уверенный в себе межзвездный путешественник, а на самом деле у меня так тряслись колени, что я боялся, как бы аудитория не услышала их стук друг о друга. Я ухватился за кафедру с такой силой, что побелели костяшки пальцев. Что я тут вообще делаю? Я же еще не летал!

Я выдавил из себя несколько предложений и увидел, как слова на бумаге начинают расплываться. Но аудиторию не интересовала эта техническая фигня. Слушателям было скучно! Я посмотрел на них несколько мгновений, перестал читать и медленно отложил бумаги в сторону. Чиновника, наверное, хватил в этот момент сердечный приступ, потому что он никак не мог угадать, что я теперь скажу. Черт побери, я и сам не знал. Я подумал так: люди пришли на званый обед, чтобы услышать астронавта, астронавт тут один, и это я, и хотя я не слишком много знаю о программе, но точно больше, чем любой из них. И я начал говорить так, как будто сижу среди друзей, которые пришли в гости ко мне домой. Я рассказал несколько баек, вставляя известные имена типа Шепарда и Гленна, и колени мои перестали трястись. Я объяснил, что мы собираемся сделать в проектах «Джемини» и «Аполлон» и как мы намерены добраться до Луны. Аудитории понравилось – человек действительно знаком с Алом Шепардом и Джоном Гленном! С мероприятия я уходил с возросшей уверенностью в себе. Оказывается, секрет состоял в том, чтобы говорить с людьми, а не читать им лекцию. Больше я никогда не пытался зачитать подготовленную NASA речь.

В Хьюстоне после знакомства с Семеркой я вскоре смог оценить и Девятку и понял, что это самая совершенная и талантливая группа пилотов из всех, что я видел. Все они были летчиками экстра-класса.

Эд Уайт олицетворял собой все американское – без сучка и без задоринки, лицо космической программы. Он был нашим Юрием Гагариным. Эд был чертовски хорош, и мы бы не смогли найти лучшего кандидата на первый выход американца в открытый космос.

Джим МакДивитт был исключительным человеком – славный парень, но с таким потенциалом лидерства, что его назначили командиром экипажа «Джемини-4» в первом его полете. Джим говорил мало – за него говорила его работа.

Джон Янг был летчиком с простым подходом к работе – «давайте делать дело». Мы сдружились с ним, когда слетали к Луне и затем объехали полмира. Джон доводил инженеров до бешенства своими ядовитыми служебными записками, составляя их для протокола в тех случаях, когда ему что-то не нравилось. Их так и называли – «янгограммы».

Пит Конрад, упрямый невысокий щербатый парень, носил прозвище Твити, то есть Болтливый. Он все время рвался в бой и готов был свернуть весь мир в бараний рог, чтобы дело было сделано. Трудно было заподозрить в нем человека, учившегося в Принстоне и происшедшего из влиятельной филаделфийской семьи.

Фрэнк Борман был строг во всем и пропитан лидерством с головы до пят. У него никогда не было проблем со сферой полномочий, потому что он работал на более высоком уровне, нежели большинство из нас. Он выделялся из общего ряда и иногда казался «святее Папы Римского», но в любом случае был прирожденным лидером.

Нил Армстронг все еще оставался тем дружелюбным и невзыскательным парнем, которого я поверхностно знал по учебе в университете и через Смитти.

Мы с Томом Стаффордом, несхожие как день и ночь, стали как братья, потому что провели очень много времени в совместных тренировках и дважды летали вместе. Ти-Пи, как его звали, был блестящим парнем из маленького оклахомского городка, он думал со скоростью

хорошего компьютера и редко ошибался. Из-за привычки говорить быстрее, чем думать, он заработал прозвище Мямля. Когда что-то пошло не так на «Джемини-9» и вновь на «Аполлоне-10», я был рад, что Томас Пэттон Стаффорд рядом со мной.

Джима Ловелла мир помнит как командира неудачного «Аполлона-13». Счастливый и дружелюбный в обычной жизни, в этом полете он очень вовремя проявил свои лидерские качества. В фильме «Аполлон-13» способности Джима ничуть не преувеличены, хотя Пит Конрад и дал ему грозное прозвище Шейки – «Дрожащий».

Последним был Эллиот Си, худощавый техасец, который служил в авиации флота, а затем гражданским летчиком-испытателем компании General Electric, где помогал создать прославившийся в дни Вьетнамской войны реактивный истребитель-бомбардировщик F-4 «Фантом». Мое будущее оказалось связано с судьбой Эллиота, и связано не по-хорошему.

На мой взгляд, Борман и Стаффорд по своему опыту возвышались над остальными, на следующей ступеньке, совсем рядом, стоял Мак-Дивитт, а за ним Ловелл и Конрад. Однако самым знаменитым среди них стал Армстронг, «темная лошадка». Девятка была очень, очень хороша – им предстояло делать историю.

9 Скафандр

Еще во время обучения каждому новому астронавту назначили область специализации для обеспечения двух беспилотных испытательных полетов «Джемини», за которыми в конце 1964 года должна была последовать миссия Гриссома и Янга на «Джемини-3». Учитывая направленность предыдущей учебы в Монтерее, мне поручили мониторинг двигательных установок, а это привело меня в странный мир, именуемый «управление полетом».

Двое первых астронавтов программы «Меркурий» отправились в полет на старой ракете «Редстоун», а остальные были допущены к более мощному «Атласу» – пузатой военной «птичке» длиной 23 метра с тремя двигателями, приводимыми в действие керосином и жидким кислородом. Компания Convair начала разрабатывать «Атлас» еще в 1946 году³⁹ как межконтинентальную баллистическую ракету, способную донести ядерную боеголовку к цели, удаленной на 15 000 км. Ее было достаточно для легких кораблей «Меркурий», но «Джемини» требовал лошади покрупнее.

Ответом был «Титан» – самая крупная МБР свободного мира, которая была принята на вооружение в начале 1960-х. Жидкостная ракета «Титан» высотой 27 метров была способна развить огромную тягу, необходимую для ее роли носителя ядерного оружия, и эту возможность направили на мирные цели – выводить космические корабли на орбиту.

8 апреля 1964 г. состоялся первый беспилотный испытательный пуск, использующий «Титан» в качестве носителя корабля «Джемини».

Я был в этот день в зале управления полетом, с наушниками на голове, соединенный по интеркому с руководителем полета, которого называли просто «Флайт»⁴⁰. Можно было представить себе, что я – одна из клеток гигантского мозга. Руководитель полета был связан с двумя десятками серьезного вида людей за множеством похожих пультов, и каждый из них представлял определенный компонент всей миссии – медики, специалисты по жизнеобеспечению корабля, по электронным системам и т. д. Каждый в свою очередь был связан с группой поддержки, а эти группы отслеживали все аспекты работы корабля и полета в целом. На запросы руководителя полета требовалось отвечать немедленно.

Пара пультов была занята не инженерами и не умниками в области техники, а астронавтами. Одним из них был оператор связи с капсулой, сокращенно «капком»⁴¹, который передавал экипажу сообщения из центра управления. Кроме капкома, к экипажу мог обращаться только Дик. Будучи зафиксированными в кресле и притянутыми к нему в готовности к старту, мы хотели иметь на другом конце радиоканала астронавта – человека, который действительно понимал нас и наши задачи и был готов недвусмысленно и четко выступить от нашего имени. Еще одному астронавту было доверено мониторить давление в баках ракеты-носителя, внимательно отслеживая показания индикаторов, сходных с размещенными в кабине корабля. Этот пульт назывался «Баки»⁴², и за ним сидел я.

³⁹ В 1946 г. Convair начала научно-исследовательскую работу по МБР, вскоре закрытую. Реальное начало работ по «Атласу» относится к 1951 г., а окончательный проектный облик ракеты сформировался еще позже, в 1954 г.

⁴⁰ Flight; буквально – «полет». В СССР, где подобная служба была организована значительно позже, прижилось сокращение РП. Центр управления полетом в Хьюстоне принял на себя полную ответственность начиная с «Джемини-4» в июне 1965 г., до этого основным считался центр на мысе Канаверал.

⁴¹ Capsule Communicator. Капсулой назывался только «Меркурий», но в силу традиции позывной «капком» использовался во всех последующих программах и сохранился до наших дней.

⁴² Tanks.

Гас и Джон тоже находились в зале управления в день испытательного пуска. Они сидели у меня за спиной и наблюдали вместе со мной за датчиками давления во время заправки «Титана» на стартовом комплексе LC-19. Давление для подачи топлива из баков в двигатели, где оно должно было сгореть с выделением огромной энергии, было критически необходимым, чтобы ракета оторвалась от Земли. Если давление опустится ниже красной линии, корабль окажется в немедленной и, возможно, смертельной опасности, и в этом случае я должен действовать. Я был готов при необходимости отдать приказ всего из нескольких слов («Флайт, это Баки. Сброс!») и отменить тем самым все представление. Гаса и Джона интересовало, естественно, не столько давление в баках во время теста, сколько то, как новичок будет вести себя. Логично, потому что им вскоре предстояло сидеть на одной из этих дымящихся ракет, и если я приму неверное решение, результат может быть катастрофическим.

В этот день «Титан» отработал как требуется, и «Джемини-1» красиво отправился на орбиту и успешно выполнил все тесты. Джин Сернан, позывной «Баки», ушел счастливым и уверенным, достигшим личного рубежа: это была уже не имитация и не тренировка, а реальное дело.

NASA назначило «Джемини-2», еще один беспилотный пуск, на 14 июля, а затем объявило⁴³, что «Джемини-3» с Гасом и Джоном на борту должен оторваться от Земли в ноябре. Всё выглядело хорошо, когда я отправился на тренировку по выживанию в пустыне, похожую на предыдущую, но только на этот раз моим партнером был Алан Бин. Покиньте вертолет, выживайте в течение примерно пяти суток, выходите к точке встречи. Это оказалось сложнее, чем мы думали, потому что пустыня северной Невады – это настолько открытое и лишенное растительности пространство, что трудно себе представить, а нам с собой было разрешено взять лишь то, что будет на борту корабля – несколько рационов питания, немного воды, таблетки йода, чтобы сделать природную воду пригодной для питья, компас, парашют, мачете, крючки для рыбной ловли и тому подобное. Я с самого начала был уверен, что рыболовные крючки нам не сильно помогут. В джунглях я по крайней мере имел источник воды и мог найти еду. В этом пыльном аду я мог только вырыть днем нору в песке, подобно зверю, и натянуть над ней парашют, чтобы закрыться от безжалостного солнца и получить немного тени. К точке встречи мы шли только в прохладные ночные часы. У нас не было никакой еды или воды помимо скудных рационов с корабля, и я так проголодался, что с удовольствием съел бы даже салат из пальмовой сердцевины.

Однажды я обнаружил в нашем лагере гостью – большую гремучую змею. В норме здравомыслящий человек постарался бы обойти стороной рептилию, опасную как ракета «воздух – воздух», но как можно было остаться нормальным после нескольких дней на 55-градусной жаре? На этот раз страху натерпелась змея – она пустилась наутек, преследуемая по горячим пескам двумя отошавшими и голодными астронавтами Сернаном и Бином, одетыми в грязное нижнее белье и размахивающими своими мачете как сумасшедшие. Рептилия исчезла из виду, а мы вернулись в нашу темную нору, где я мечтал о кухне моей бабушки и о кебабе из гремучей змеи.

Недели шли всё быстрее, но «Джемини-2» постоянно откладывался по разным причинам, включая удар молнии и бурные визиты во Флориду ураганов Клео, Дора и Этель. Погода задержала весь график и уничтожила все шансы на полет «Джемини-3» до конца года, и мы абсолютно ничего не могли с этим сделать. Тем временем Дик объявил⁴⁴, что Джим МакДивитт и Эд Уайт будут основным экипажем «Джемини-4», а Фрэнк Борман и Джим Ловелл – их дублерами. Мы, новички, очень ясно почувствовали, что мест на «Джемини» становится мало.

⁴³ 13 апреля 1964 г.

⁴⁴ Это решение было опубликовано 27 июля.

Первый намек на то, кто будет назначен на полет, обычно приходил от Дика, но бывало и так, что в твой кабинет внезапно входил техник NASA и говорил, что нужно съездить в командировку в Вустер, штат Массачусетс, на снятие размеров для скафандра. Новость о том, что ты получишь скафандр, сделанный точно по твоей фигуре, означала, что ты попал в список на полет или на место дублера и что официальное объявление об этом будет сделано в надлежащее время. Разумеется, радоваться в этот момент было еще рано. Не стоило особо волноваться всего лишь из-за того, что ты полетишь в Вустер, где портнихи и портные набросятся на твое тело.

Наша группа из 14 человек занималась в исключительно тесном контакте, отрабатывая месяц тренировок за месяцем. Какие-то незначительные детали, внутреннее чувство и результаты разделили нас на несколько групп. Все мы работали вместе, но кто-то с кем-то подружился, и эти мелочи тоже сказывались.

Я понял это, когда Дик и Ал попросили нас представить собственные оценки всех членов группы в индивидуальном и конфиденциальном порядке. Это задание заставило задуматься – я был одним из самых младших астронавтов и не вполне понимал, чего я стою. Конечно, я не позволил бы никому увидеть даже тень сомнения в себе, и в любом официальном списке Четырнадцати я бы автоматически поставил свое имя первым сверху, безразлично, по какому критерию. Думаю, остальные сделали то же самое.

Реальный список у меня выглядел иначе. Четыре человека стояли на голову выше остальных по летному опыту – Дейв Скотт, Дик Гордон, Чарли Бассетт и Майк Коллинз. На мой взгляд, этим опытным летчикам-испытателям должны были достаться первые места в экипажах. В нижней части моего списка оказались Расти Швейкарт, Уолт Каннингэм и Базз Олдрин. Все они были опытными пилотами, но мы воспринимали их как ученых в нашем коллективе. Расти был дерзким интеллектуалом и чем-то напоминал маленького краснолицего ребенка с острой иголкой в поисках воздушного шарика, который можно проткнуть. За Олдрином закрепилось прозвище Доктор Рандеву, потому что это была единственная тема, которую он мог обсуждать – даже за чашкой кофе. Каннингэм, казалось, намеренно дистанцировался от всех нас. Он мог читать либеральную *Wall Street Journal*, пока остальные пыхтели над новой темой, и он ездил на «порше» вместо «корветта». Думаю, что эта раздражающая привычка стоила ему прогулки по Луне.

Остальные семеро находились в середине без явного порядка, и я действительно не знал, на какое место поставить Джина Сернана в этой схеме. Пожалуй, ниже Бассетта, Коллинза, Гордона и Скотта, но определенно выше Олдрина, Швейкарта и Каннингэма. Быть может, аккурат в середине списка. Если смотреть реальным взглядом, место на «Джемини» мне не светило. Кому-то другому предстояло стать героем.

Пока запуск «Джемини-2» все откладывался и откладывался, США официально открыли ящик Пандоры, который остался в истории под именем Вьетнам. В июле американские эсминцы доложили, что северовьетнамские корабли атаковали их в Тонкинском заливе, и это дало президенту Джонсону и Конгрессу повод усилить наше присутствие в Юго-Восточной Азии. LBJ шел на перевыборы против республиканца Барри Голдуотера, и его воинственная политическая демонстрация направила Вооруженные силы США на опасный путь – насколько опасный, мы тогда еще не подозревали.

Болди, Скипу и другим моим товарищам по эскадрилье предстояло попасть в самое пекло, но они совершенно не беспокоились о том, что им может достаться. Наоборот, они боялись, что вся заваруха не продлится достаточно долго, чтобы они успели побомбить противника. Несколько хороших ударов со стороны американской авиации по Северному Вьетнаму должно было хватить. Потом Болди и Скип рассказывали, на какие ухищрения шли пилоты, чтобы получить назначение в первые группы штурмовиков – они боялись, что если эти боевые вылеты достанутся другим, то к моменту, когда они должны будут вступить в бой, «стрелялка»

уже закончится. Они ошибались. Вьетнам начал поглощать американские самолеты и их пилотов, как губка, впитывающая воду.

В августе 1964 года мы с Барбарой проехали по Нассау-Бей до Кейп-Багамас-Лейн, повернули направо на Барбуда-Лейн возле местного яхт-клуба и остановились у построенного для нас дома, небольшого бунгало из коричневого камня, который представлялся нам кусочком рая. С годами мы разбили на склоне перед улицей лужайку, построили гараж справа за деревом, залили бетоном террасу и добавили стойку для барбекю. Бассейн в форме почки, бар, шесть сосен вдоль дорожки и несколько клумб придали нам ощущение, будто мы живем как кинозвезды. Впрочем, весь поселок рос и процветал. Легкий деревянный штакетник отделял наш дом от соседнего дома Роджера и Марты Чаффи. У всех были дети, которым предстояло вырасти и вместе пойти в государственную школу.

Наша жизнь казалась нам сладкой и защищенной, но эта иллюзия безопасности и изолированности разбилась вдребезги около 11 часов утра одним теплым октябрьским днем⁴⁵.

Тед Фриман, один из самых незаметных членов нашей группы, совершал обычный полет с соседней авиабазы Эллингтон на Т-38 – самолете, с которым он был более чем знаком. На самом деле Тед был летчиком-испытателем во время создания Т-38, знал в нем каждую кнопку и каждый прибор и мог бы лететь с закрытыми глазами. Он заходил на посадку, как обычно, и в этот момент гусь столкнулся с фонарем кабины, разбил его, и куски тяжелого плексигласа засосало в двигатели. Самолет шел все ниже и ниже, Тед пытался взять его под контроль. В конце концов он сдался и катапультировался, но его парашюту уже не хватило времени, чтобы раскрыться должным образом. Самолет разбился, а Тед погиб – первым из американских астронавтов, но не последним.

Смерть друга опечалила всех участников программы. Мы всегда понимали, что на пути к Луне кому-то предстоит погибнуть, но чтобы тебя убила птица практически рядом с твоим домом? Нам ничего не оставалось делать, как отдать почести Теду, которого похоронили на Арлингтонском кладбище, и вернуться к работе.

А ее у нас было много, потому что трагедия Фримана оказалась не единственным черным днем в октябре 1964 года. Русские снова сделали нас – в то время как мы старались подготовиться к испытательному полету второй беспилотный «Джемини», они каким-то образом запихнули троих космонавтов в одно из своих космических пушечных ядер и забросили на орбиту. Советский план отправить в космос сразу троих подвергнулся критике внутри собственной программы, особенно со стороны одного из ведущих инженеров, которого беспокоила потенциальная опасность. Его молчание было куплено назначением в состав экипажа. Инженер, который официально заявлял, что так лететь нельзя, с готовностью отправился в полет⁴⁶.

В действительности «Восход» оказался не более чем еще одним советским рекламным трюком, потому что он не дал ничего для решения сложных проблем встречи и стыковки, которые были необходимы для путешествия на Луну. И, хотя мы этого еще не знали, советское руководство находилось в раздрае, так что полет «Восхода» мог быть последним громким достижением во внутрикремлевской борьбе. За месяц до того, как Джонсон победил Голдуотера и сохранил за собой Белый дом, наш старый заклятый враг Хрущёв был свергнут⁴⁷.

И Кеннеди, и Хрущёв с энтузиазмом поддерживали космические программы своих стран. LBJ быстро дал понять, что привержен цели Кеннеди отправить человека на Луну, но вскоре мы в космической программе начали замечать, что его интерес смещается в сторону Вьетнама и дорогостоящих программ создания Великого общества. Нас интересовало, сохранят ли

⁴⁵ 31 октября 1964 г.

⁴⁶ Разработчиком корабля «Восход» и инженером-испытателем на его борту был Константин Петрович Феоктистов. Сернан описывает этот эпизод корректно, но с позиций послезнания – в 1964 году американцам не было известно, что «Восход» представлял собой «Восток» с тремя креслами вместо одного и без каких-либо средств аварийного спасения.

⁴⁷ «Восход» летал 12-13 октября, а Н.С. Хрущёва отстранили от занимаемых постов 14 и 15 октября.

новые советские лидеры ту же приверженность к космосу, какая была у Хрущёва. Оказалось – сохраняют.

Настал новый, 1965 год, и в середине января мы наконец смогли отправить «Джемини-2» в успешный испытательный полет, который продолжался всего 18 минут. Я вновь работал за стойкой с табличкой «Баки». Моя часть закончилась в момент, когда выгорело все топливо ракеты-носителя, и я мог просто сидеть и смотреть, как работают настоящие профессионалы Центра управления полетом. Зал слегка гудел, подобно машине, и был наполнен уверенностью в том, что люди в нем могут справиться с любой проблемой.

В феврале Дик объявил, что на «Джемини-5» полетят Гордон Купер в качестве командира и Пит Конрад как пилот, а дублировать их будут Нил Армстронг и Эллиот Си. Вот и еще четыре места ушли, и никто из Четырнадцати не занял ни одно из них.

На вопрос о том, не потеряют ли Советы темп со смещением Хрущёва, они ответили 18 марта запуском «Восхода-2». Он тоже был изготовлен в виде большого стального мяча для боулинга⁴⁸, но с одной стороны имел большую гибкую трубу, чем-то напоминающую огромный шланг для пылесоса. Люки на обоих концах превратили эту безумную штуковину в шлюзовую камеру. Космонавт Алексей Леонов, один из самых отчаянных людей, ныне живущих на свете, наддул свой примитивный скафандр, используя в процессе даже резиновый жгут, затем открыл люк корабля, протиснулся в трубу, закрыл люк сзади себя⁴⁹ и стравил воздух. Открыв шлюз с другого конца, он вылетел из него как пробка. В течение 12 минут он «гулял» в открытом космосе – первый человек в истории. Лишь много лет спустя мы узнали, что он едва не погиб, пытаясь забраться обратно в «Восход». Войдя головой вперед в похожую на хобот трубу, он застрял, не в состоянии развернуться, чтобы закрыть за собой внешний люк. А его нужно было плотно закрыть, прежде чем Леонов мог надуть шлюз и открыть люк корабля. Лишь частично снизив давление в скафандре, Алексей почувствовал себя достаточно свободно, чтобы, изогнувшись, вернуться в безопасное место⁵⁰. Русские тем не менее вновь трубили о победе.

Этот полет имел огромную ценность не только с точки зрения пиара. Мы знали, что русские нуждаются в выходе в рамках их плана полета на Луну, и они только что показали, что это возможно. Если бы я мог предвидеть, что мне предстоит, я бы уделил больше внимания первой маленькой космической прогулке Алексея Леонова.

Я снова работал на консоли «Баки» 23 марта 1965 г., в день долгожданного полета Гриссома и Янга на «Джемини-3». Это был успешный полет: хотя он и продолжался всего три витка, но доказал, что всё оборудование работает и что пилот может осуществить маневр корабля. С технической стороны всё было здорово, но полет получил и немалую публичную славу. Джон Янг и Уолли Ширра сговорились пронести на борт сэндвич с солониной из кафе Wolfie на Мысе, и когда Джон удивил им Гаса и поделился с командиром, по кабине стали летать крошки. Пришлось срочно упаковать сэндвич и собрать крошки, пока они не стали причиной короткого замыкания. Ничего нельзя проносить на борт, если оно не прошло полные испытания на предмет воздействия на ход всего полета, даже сэндвич из Wolfie. Пресса уделила этой истории столько же внимания, сколько и полету в целом, а Гриссом, Ширра и Янг получили взбучку от руководства. К счастью, на этом эпизод и закончился.

Этим летом первые американские боевые части официально отправились во Вьетнам. Морская пехота высадилась на берег в Дананге, встреченная продавцами мороженого и фотографами новостных агентств. До конца года численность американского контингента во Вьетнаме достигла 200 тысяч, и кровавая битва в долине реки Дранг доказала, что эти низкорослые

⁴⁸ «Восход», как и «Восток», имел в своем составе сферический спускаемый аппарат и биконический приборный отсек с тормозной двигательной установкой.

⁴⁹ Люк корабля закрывал и открывал изнутри командир Павел Беляев.

⁵⁰ Алексей Леонов снизил давление в скафандре до 0,27 атм через семь минут после начала выхода, еще находясь вне шлюзовой камеры, но развернуться в узкой «трубе» все равно было очень непросто.

ребята способны остановить нас. На атаки Вьетконга и Северного Вьетнама против американцев был дан ответ в виде кампании массивных бомбардировок под названием «Раскаты грома», в ходе которой каждый день на протяжении трех с половиной лет на Северный Вьетнам сбрасывалось по 800 тонн бомб и ракет.

Летчик ВМС США с авианосца «Констеллейшн», лейтенант младшей ступени Эверетт Альварез, был сбит во время атаки первой волной и помещен в тюрьму, которая стала известна под именем «ханойский Хилтон». Он стал первым из примерно 600 американских летчиков, захваченных в плен на протяжении многих лет Вьетнамской войны. Еще одним пленным, взятым во время первых ударов, стал мой друг по Институту ВМС Боб Шумахер, который мог бы столь же легко оказаться в нашей группе отряда астронавтов, в Техасе, в полной безопасности. Судьба любит такие шутки.

В 1965 году Трейси исполнилось два года, а Барбара не только освоилась в местном обществе, но и стала чем-то большим, нежели простая жена астронавта. Она научилась участвовать в космической игре не хуже других и стала настоящим партнером в моей карьере. В марте, сразу после полета «Джемини-3», она на четыре дня приехала на Мыс, и мне удалось устроить ей экскурсию по моему второму дому вдаль от первого – таинственному городу в песках, где работают ракетчики. Однако она не могла приехать туда на запуск в соответствии с негласным и неписанным правилом: жены астронавтов должны находиться дома, в Хьюстоне, вести хозяйство и улыбаться фотоаппаратам. Это было нечестно, но тому имелось несколько причин.

Во-первых, был Дик, который считал, что находящаяся рядом с тобой жена отвлекает от работы. Поскольку мы ничего не знали о том, на что в реальности Дик обращает внимание при выборе, кому из астронавтов лететь, никто не хотел подвергать опасности свои шансы и пересекать такие линии, пусть даже и невидимые.

Далее, существовало мнение о том, что супругу нужно «беречь». NASA не хотело, чтобы, если на старте произойдет катастрофа, жена стала свидетелем трагедии. Наверное, они просто не понимали, что она будет столь же потрясена, наблюдая случившееся в Техасе по телевизору.

И наконец, была еще одна причина, вставшая во весь рост в самом начале, еще до полетов «Меркуриев», – секс. Множество привлекательных женщин мечтали о любви с героем космоса, а некоторые из них отдали бы все, чтобы переспать с астронавтом. Такое искушение некоторые из нас находили слишком сильным, чтобы от него отказаться. До того, как рок-концерты стали передвижными праздниками секса, наркотиков и рок-н-ролла, роль лучшего шоу в городе играли астронавты. Мы были привлекательными пилотами, склонными к пьянкам, и являлись магнитами для дам. Астронавту, которому хотелось секса, было достаточно оставить открытой дверь в номере отеля – с немалой вероятностью через несколько минут ее могла закрыть за собой хорошенькая девушка.

Жены оставались в Техасе, а Флорида была местом для игры без правил, полным красоток. Если же ты хотел привезти с собой во Флориду жену и детей, нужно было получить согласие Дика и дать знать об этом другим астронавтам. Конечно, люди вели себя по-разному, и некоторые воздерживались полностью, но недостатка в возможностях не было. Один парень полагал, что любая девушка, достигшая 18 лет, заработала право разделить с ним постель, и собирался удовлетворить это право у максимально возможного их количества. А другого астронавта хоронили с проблемами по части протокола: жена стояла возле могилы, а лучший друг покойного незаметно привел на похороны подругу с многолетним стажем.

В середине 1960-х все это полагалось скрывать. Ни один из астронавтов не развелся, потому что такой скандал мог сказаться неизвестным образом на летной карьере. И муж, и жена могли потерять привилегии своего положения. За выпивкой астронавты могли жаловаться друг другу на кошмары семейной жизни, но рекомендация оставалась неизменной: терпи и не попадай Дикю на прицел.

До жен доходили всякие слухи, но некоторые из них просто не хотели слышать о девчонках с Мыса. Барбара относилась именно к этой фракции, и в нашем доме вопрос не обсуждался. Это казалось самым безопасным путем через минное поле, но времена менялись.

«Джемини-4» полетел в июне в четырехсуточный полет с МакДивиттом и Уайтом. Его изюминкой был выход Эда в открытый космос, запечатленный навечно в серии прекрасных фотоснимков. Уайт был физически настолько развит, что так называемая внекорабельная деятельность в его исполнении выглядела легкой забавой. Болтаясь туда-сюда и дрейфуя в космической пустоте, но оставаясь привязанным к кораблю фалом с коммуникациями, по которому он получал кислород и электропитание, Эд держал небольшое ручное устройство для маневрирования и использовал его реактивную струю, чтобы изменять свое положение. Его выход закончился через 21 минуту, и Эд с неохотой вернулся к люку. Если до этого момента все было просто, то забраться обратно в тесную кабину «Джемини» оказалось чертовски сложно, и неожиданно потребовавшаяся тяжелая работа истощила его, невзирая на прекрасную физическую форму. Этот урок просто проигнорировали на фоне прекрасных откликов в прессе, сопровождавших наш первый выход. Как и в случае с Леоновым, всем нам следовало бы уделить больше внимания тому, что в реальности произошло⁵¹.

А тем временем к нам пришла новая группа из шести астронавтов, и ее встретили не слишком радостно. Эти ребята были чистыми учеными, и большинство из них не имело никакого представления о полетах. Появление Оуэна Гэрриотта, Эда Гибсона, Дьюэйна Грейвлина, лейтенант-командера Джо Кервина, Кёрта Майчела и Джека Шмитта стало для нас тревожным звонком. Нам казалось, что NASA пытается сдать позиции научному сообществу и добыть доллары и поддержку за обещание отправить в космос нескольких парней с пробирками. Полеты в космос все еще были рискованными и полными неизведанного, и даже лучшие пилоты могли столкнуться с проблемами. Разве не был провален в полете «Джемини-4» сложный эксперимент по сближению с ракетной ступенью, при том что за рычагами сидел такой эксперт, как Джим МакДивитт? Мы не хотели видеть на борту никого, кто не смог бы справиться с задачами пилотирования корабля, потому что, если раздастся сигнал тревоги, у нас не будет времени упрашивать какого-нибудь профессора собрать свой багаж.

Грейвлин оказался наихудшим выбором астронавта за всю историю в результате того, что Национальная академия наук не стала проводить углубленное исследование кандидата, как этого всегда требовало NASA. Нет, с его квалификацией как летного врача ВВС США проблем не было, чего нельзя сказать о его семейной жизни. Сразу после того, как его отобрали в отряд, жена астронавта, устав терпеть его горячий нрав, подала на развод. Дик вышвырнул Грейвлина столь быстро, что он даже не присутствовал с остальными на традиционном фотографировании новой группы.

Теперь мы знали, как Дик будет реагировать на развод. Хорошо, что меня этот вопрос не беспокоил – у меня семья была крепкая.

Я вновь работал по системе баков при запуске «Джемини-4» – это был первый полет, которым занимался новый Центр управления полетов в Хьюстоне вместо флоридского. Это была важная задача, но я не находил себе покоя. Я не хотел просидеть за этой консолью до того, как какой-нибудь ученый впорхнет в комнату и захватит место на корабле в результате политического маневрирования. Свободные места на «Джемини» исчезали очень быстро.

В марте после приводнения «Джемини-3» освободилась команда дублеров, так что Уолли Ширра и Том Стаффорд стали основным экипажем «Джемини-6». И... не новички, а Гриссом и Янг были назначены их дублерами! Черт побери, ушли еще четыре места, и с ними программа

⁵¹ В реальности Уайт не мог закрыть над собой створку люка, потому что пружины замка сварились между собой в условиях открытого космоса. Оба астронавта тянули и дергали крышку примерно 40 минут, прежде чем сумели плотно прижать ее и закрыть, и в результате провели в разгерметизированной кабине 64 минуты. Само это событие и степень его опасности не скрывались от публики, но реальную продолжительность кризиса NASA сумело утаить.

«Джемини» достигла экватора. Мало того, что даже лучшие из нашего набора еще не получили места в экипаже, – время уходило, а я все еще грел сиденье кресла в ЦУПе. Я уже работал на программу полтора года и все еще не имел никакого представления о своем будущем.

Тренировки шли без перерыва, но мы не могли четко уяснить, с какой целью. Все мы съездили в Бостон на обучение по системам компьютерной навигации в Массачусетском технологическом институте, а затем в город Бенд в штате Орегон на более интенсивную геологическую подготовку. Если и когда мы полетим на Луну, мы должны будем хорошо разбираться в том, что увидим на поверхности и под нею. Я обнаружил, что теперь лучше понимаю технический жаргон и теорию горообразования, состав долины и о чем говорит вот этот конкретный камень.

Когда мы были там, Дик собрал нашу группу в комнате мотеля и улыбнулся нам – его морщинистое лицо выглядело в этот момент как неприбранная постель. Это был беззвучный сигнал, потому что улыбался он лишь тогда, когда имел хорошие новости. Так оно и оказалось. «Некоторые из вас немедленно приступят к тренировкам для предстоящих полетов на «Джемини»», – произнес он. Мы вздохнули столь синхронно, что могли бы высосать весь воздух в комнате.

Дик сказал, что Фрэнк Борман и Джим Ловелл, оба из Девятки, станут основным экипажем «Джемини-7», но при этом Майк Коллинз будет поставлен в пару к Эду Уайту в качестве дублера. По комнате прошелестели поздравления в адрес Майка, и теперь мы ловили каждое слово Дика.

Он объявил, что на «Джемини-8» пилотом основного экипажа будет Дейв Скотт, который полетит с командиром Нилом Армстронгом. Дублирующий экипаж составят Пит Конрад со своим другом Диком Гордоном⁵². Наконец, на «Джемини-9» Чарли Бассетт полетит в правом кресле, а Эллиот Си будет командиром экипажа. Имена дублеров не прозвучали. Никто из присутствующих не возразил. Дейв и Чарли работали на полную катушку и заслужили попасть в основные экипажи первыми из нашего набора. Майк и Дик тоже имели полное право в числе первых перейти на непосредственную подготовку к полету.

⁵² NASA официально объявило экипажи «Джемини-7» 1 июля, а «Джемини-8» – с большой задержкой, лишь 29 сентября.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.